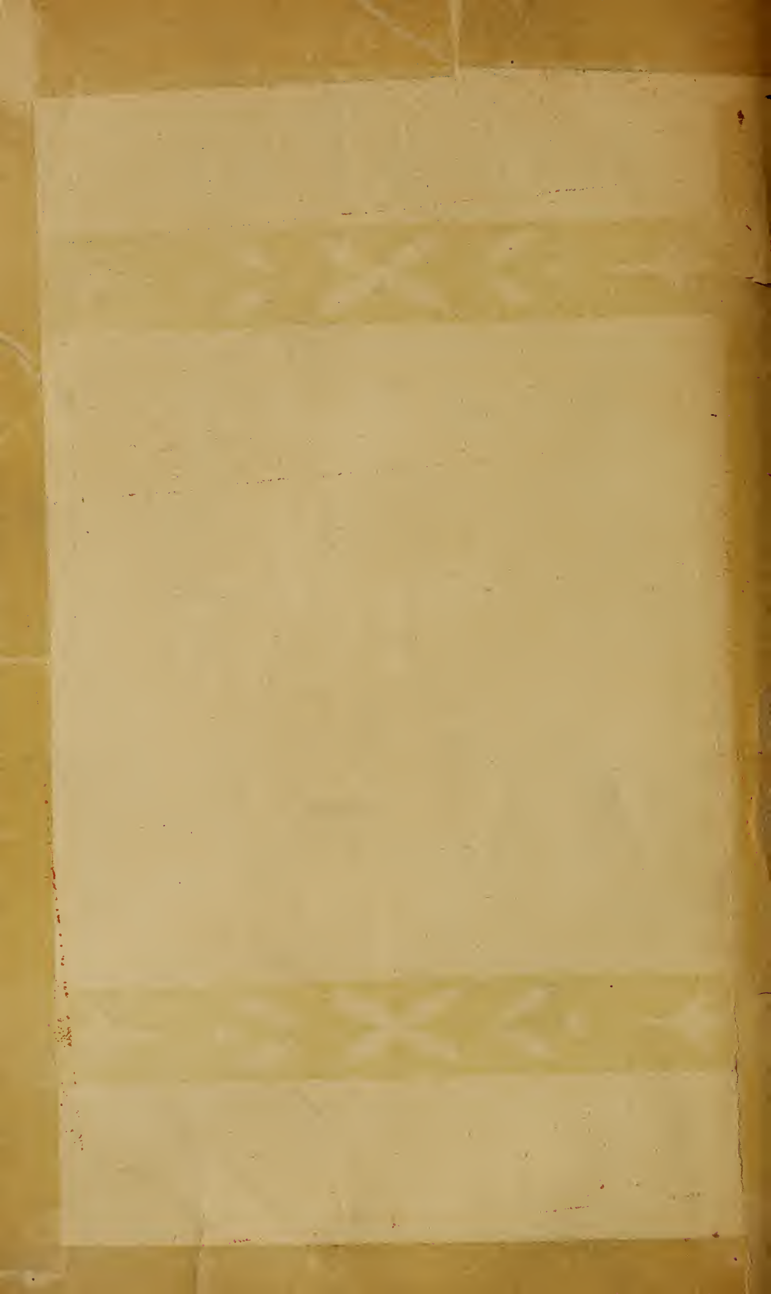
Риналдинія Риналдона

Издалъ и напечаталъ:
МАВРИКІЙ ЛЕЙВАЙ
въ Унгварѣ.

Дешевая Библіотека. Число 2.

Жизнь и дѣла
РИНАЛДИНІЯ РИНАЛДОНА,
именитаго атамана разбойниковъ.

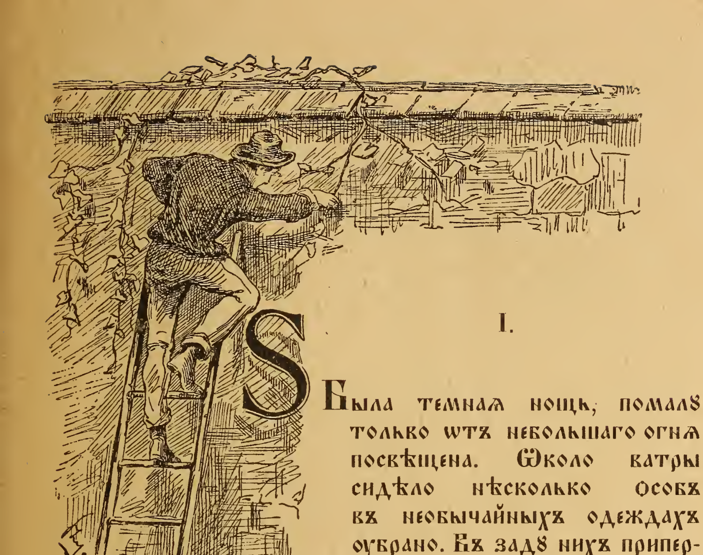
Съ мадьярскаго перевелъ:

Н. А. В.

Издалъ и напечаталъ:
МАВРИКІЙ ЛЕЙВАЙ
въ Унгварѣ. 1897.

RINALDO RINALDINI.

I.

Была темнаѧ нощь, помалȣ только ѡтъ небольшаго огнѧ посвѣщена. Ѡколо ватры сидѣло нѣсколько особъ въ необычайныхъ одеждахъ оубрано. Въ задȣ нихъ припершесѧ къ одномȣ пньови стоѧлъ сильный мȣжъ, строго проницающіе очи котораго показовали, что онъ безсомнѣино въ всемъ превышаетъ первыхъ.

Это былъ Ринальдини Ринальдонъ, именитый атаманъ разбойникѡвъ.

Пока первые добрымъ виномъ понапивавшесѧ разгостилисѧ и весело заспѣвали себѣ, вождь ихъ вообразилъ себѣ тѣ давные часы, когда онъ, въ молодости своей, еще безъ почȣвствованїѧ большей грѣховности, беззаботливо, весело могъ забавлѧтисѧ со своими братьѧми и сестрами. — Непоколебимый, оупорно смѣлый его дȣхъ еще въ молодости показовалъ въ немъ бȣдȣщагѡ храбраго воина; но родители его, благочестивые земледѣльцы, не хотѣли оуспокоитисѧ въ томъ, чтобъ ихъ сынъ воиномъ сталсѧ. Искали длѧ него тихагѡ, спокойнагѡ состоѧнїѧ. Когда таже Ринальдонȣ 14 лѣтъ было ѡтъ рождества, отецъ вмѣстилъ его въ Рома-

ньовѣ, въ одинъ монастырь, чтобъ тамъ не только чтенїю и писанїю наꙋчилсѧ, но чтобъ еще ѡтъ младенческихъ лѣтъ прїꙋготовилсѧ къ скѧщенническомꙋ санꙋ.

Юнаго Риналдона въ началѣ позамѣшала чꙋжина, но временемъ все болѣе возрастало въ немъ прилѣпленїе къ безгранично свободной жизни. Высокїѧ стѣны монастырѧ не мало препѧтствовали емꙋ въ томъ, чтобъ могъ по воли оугождати своимъ злобнымъ наклонностѧмъ. Но сїе однако не могло его наклонности и охотꙋ преграждати. Больше разъ перелѣзъ стѣны монастырѧ. И понеже сїе дѣло нѣсколько разъ оудалосѧ емꙋ, все болѣе возрастала въ немъ смѣлость, и все чаще дерзнꙋлъ по за монастырскихъ стѣнахъ воспользоватисѧ свободою. Но „до толѣ ходитъ збанокъ на водꙋ, пока не сказитсѧ“. Настоѧтели монастырѧ дознали его поведенїе, и тѣмъ карали, что на нѣсколько дней заперли его въ монастырьскꙋю темницꙋ. Теперь было оу него доста времени размышлѧти о цѣнности свободы! Кара, наложеннаѧ на него, не могла его попракити, но еще болѣе поткердила въ немъ оупорность. Когда наконецъ претерпѣлъ карꙋ, перкое его дѣло было оставити монастырь, оутечи отъ тꙋдꙋ.

Послѣ нѣсколькихъ годѡвъ Риналдонъ сталсѧ воиномъ. Слꙋжилъ оу сардинїанъ, геневитѧнъ и венецїанъ, но смꙋщенный и безпокойный его дꙋхъ нигдѣ не могъ найти оутишенїе и спокойность. На конецъ слꙋжилъ какъ воинъ оу римлѧнъ, гдѣ добылсѧ порꙋчества (оффицерства), но вскорѣ поссраживишесѧ съ полковникомъ, того изъ разѧреннаго своего гнѣва кинжалемъ оубилъ. Послѣ сего престꙋпленїѧ скорое бѣгство было одинственнымъ длѧ него спасенїемъ. Оставивше все свое одѣѧнїе и оффицерское оубранство, дабы поисканїемъ тѣхъ ни малѣйшаго времени не оутрачалъ, оубѣгъ и спассѧ въ горы Яппенинскїѧ. Хотѧ въ великихъ недостаткахъ находилсѧ, подвержено всѧкой погодѣ и мꙋчительномꙋ голодꙋ, однако не смѣлъ поѧвитисѧ ни въ городахъ ни въ селахъ, ибо всегда страшалсѧ,

что про его оубійство поймають его. На конецъ нашелъ оубѣжище въ одномъ разбойническомъ гнѣздѣ, лꙋкавые члены которагѡ всю окрестность застрашивали. Междꙋ разбойниками Риналдонъ вскорѣ такꙋю показалъ безслыханнꙋю смѣлость, что на столько полюбили его товарыши, что послѣ смерти ихъ атамана, погибшагѡ въ сраженіи съ воинами, чѣмъ часомъ его избрали предводителемъ и атаманомъ своимъ. Неслыханная смѣлость, великое счастіе его въ короткое время знакомымъ и страшнымъ сдѣлали егѡ имя. Вскорѣ множество безсовѣстныхъ и злобныхъ пришлецевъ начали его ѡкрꙋжати, такъ, что въ началѣ сего повѣствованія нашего онъ въ главѣ 160-и такихъ людей стоялъ, которыя еще и ѡтъ чорта не боялися. Всѣ они, заботꙋ свою ѡ собственной ихъ бꙋдꙋщности единственно на атамана наложивше, только для настоящагѡ жили. Атаманꙋ было должно позаботитися ѡ всемъ нꙋжномъ, даже емꙋ належало и объ ихъ обезпеченіи старатися; напротивъ, они истиннымъ и безъꙋсловнымъ подданническимъ повинованіемъ показовали къ немꙋ свою благодарность. Если, напримѣръ, атаманъ при сраженіи съ воинами объ опасеніи своемъ менѣе заботился, каждый изъ нихъ, окрꙋжающихъ теперь очень, оустремлялся при его бокꙋ стояти, и его какимъ либо способомъ спасти. Онъ самъ въ нѣкоторыхъ своихъ товарышей не только подданникѡвъ видѣлъ, но и какъ дрꙋгѡвъ своихъ почиталъ ихъ. Опасности и въ тѣхъ, со ихъ стороны, изъявившіеся дерзости всѣхъ ихъ неотлꙋчимо совокꙋпило.

Сякіе то дерзостные разбойники ѡкрꙋжили ватрꙋ съ своимъ атаманомъ, Риналдономъ, который ачей о своей минꙋвшости, ачей же о новомъ своемъ предпринятіи размышлялъ.

Новые пришлецы вдрꙋгъ въ замѣшательство привели его беззаботливꙋю нерадивость.

Алтавердо приносилъ вѣсть, что съ людьми своими ограбилъ вязанкꙋ, бывшꙋю собственность нѣкаго

неаполитанскаго кнѧзѧ. Потомъ предалъ Риналдонȣ съ вѧзанкою и одинъ медаллїонъ, нашедшїйсѧ въ вѧзанкѣ. Риналдонъ въ растворенномъ медаллїонѣ нашелъ портретъ красивой невѣсты и образъ одного воина. Алтавердо кромѣ сего предалъ емȣ и расчетъ добычи. Риналдонъ потомъ повелѣлъ толпѣ рȣшитисѧ, вождьемъ опредѣлилъ любимца своего Чинтїѧ, которомȣ показалъ и пȣть, кȣда треба имъ идти. Загасили огень, и въ короткїй часъ все отихло. Когда же со всѣмъ отдалиласѧ разбойническаѧ толпа изъ видȣ, и самъ Риналдонъ исчезъ.

Перешедъ хȣстый кȣстарникъ добылсѧ избѣ, жителѧ которой, одного сѣдаго, стараго человѣка, оуже ѡтъ давныхъ часѡвъ познавалъ. Попросилсѧ на нощь, старый прїѧлъ его, даже и вечерю свою раздѣлилъ съ нимъ. Идъ вечери Риналдонъ далъ вина. При разговорѣ ихъ Риналдонъ нечаѧнно замѣтилъ на столѣ веревкȣ.

— Ты самъ занимаешьсѧ плетенїемъ веревокъ? или ачей есть оу тебѧ и обывательница? — вопросилъ стараго.

— О, нѣтъ — отвѣчалъ старый, — но оу Жиролама, оу хозѧина хȣтора, который хиба на часъ далеко бываетъ отъ сюда, есть наемнаѧ донька. Она часто посѣщаетъ менѧ; при днешнемъ посѣщенїи здѣсь забыла веревкȣ.

По вечери старый повелъ гостѧ въ малȣю коморȣ длѧ спанѧ. Въ сей своей спальной Риналдонъ замѣтилъ двȣхъ портретовъ, которые до волоса подабали идъ томȣ, что онъ съ медаллїономъ полȣчилъ. Оутомленный бывше легъ, но не долго могъ на своей постели спочивати, ибо нечаѧнно на великїй крикъ пробȣдилсѧ. Вскорѣ скочилъ и приготовлѧлсѧ къ самозащищенїю. То дȣмалъ, что воины ѡткрыли его прибѣжище. Донатонъ — подъ симъ именемъ знали старагѡ въ окрестности — оутворилъ двери. Шестеро ихъ въ орȣжїѧхъ впхалосѧ, и грошей требовали ѡтъ стараго. Пȣстынникъ предалъ имъ все свое имѣнїе. Разбойники

не оудовольствовалися тѣмъ, а напали на пꙋстынника, начали того бити и больше требовали. Риналдонъ видѣвъ сїе сердито растворилъ двери и съ пистолею напалъ на разбойникωвъ

— Что дѣлаетсѧ здѣсь? крикнꙋлъ на нихъ. Разбойники оувидѣвше атамана боѧзненно поразскакали.

— Дозволѧютъ наши законы слабаго, бѣднаго старика ограбити и мꙋчити, вы негодаи? — кричалъ Риналдонъ далѣе — кто былъ той подлецъ, который наговорилъ васъ на сїе лꙋкавство и привелъ сюда? или тотъ часъ застрѣлю первого изъ васъ?

— Павло! — слышалосѧ нѣсколько тꙋпыхъ голосωвъ.

— Здѣсь тебѣ въ даръ, — кричалъ Риналдо — и выстрѣлилъ пистолю на грѣшника, который тѧжко, хотѧ не смертельно, поранено впалъ.

— Идите теперь себѣ — повелѣвалъ — и понесите съ собою и раненнаго, кара не отбꙋдетсѧ.

Разбойники вмѣстѣ съ пораненнымъ ωтправилисѧ, и Риналдонъ только теперь замѣтилъ, что Донатонъ безчꙋвственно, въ обморокѣ, лежитъ на земли. Когда Риналдонъ виномъ мало подкрѣпилъ его, опѧть возвратиласѧ память старого, но на только изнꙋренным показалсѧ, что Риналдонъ еще не могъ его на себѧ оставити. Въ конецъ, на зорѣ, пришла дѣвочка за веревкою. Риналдонъ тымъ часомъ расповѣлъ ей, что слꙋчилосѧ сей ночи съ старымъ, и просилъ ею, чтобъ осталасѧ съ нимъ и дозирала его. — Разговоръ ихъ помѣшалъ Чинтїю, пришедшїй съ тою вѣстью, что полкъ не въ маломъ замѣшательствѣ, длѧ чего неотмѣнно должно Риналдонꙋ коло нихъ ѩвитисѧ. — Скоро попращавшесѧ таже Риналдонъ съ дѣвкою немедленно пошелъ съ Чинтїомъ идъ полкꙋ. Оуже изъ далекꙋ почꙋвалъ великїй шꙋмъ, но все-то вдрꙋгъ и минꙋлосѧ, когда онъ надшелъ; только нѣсколько мꙋжей приблизилосѧ къ атаманꙋ, просѧ ωтъ него помилованїѧ

дли Пакла. Хотѧ не легко, однако исполнилъ ихъ прошенїе подъ тѣмъ оусловїемъ, чтобъ въ бȣдȣщемъ никогда не прислȣчилосѧ подобное дѣло. Потомъ на скоро опредѣлилъ людьмъ своимъ, по больше толпамъ разделеннымъ, чтобъ по различнымъ пȣтѧмъ шли. Онъ самъ не приключилсѧ къ нимъ, но опѧтъ поспѣшилъ идъ домикȣ стараго Доната. Аврелїи — такъ называласѧ та дѣвка — оуже не было тамъ, но мѣсто еѧ занѧлъ одинъ молодый простый хлопецъ. Донатонъ казалъ, что не оувидитъ оуже болѣе тȣ дѣвкȣ, она бо въ пȣти къ монастырю.

— Кого изображажаютъ тѣ портреты въ коморѣ? — вопросилсѧ Риналдонъ отъ пȣстынника.

— Моихъ дрȣзей! — былъ отвѣтъ. Посѣщенїе того мȣжа ежеминȣтно ожидаю. Онъ самъ былъ то, казанкȣ котораго вѣроѧтно твои люди взѧли ѡтъ него на горѣ.

Когда Риналдонъ попращалсѧ съ пȣстынникомъ, предалъ емȣ медалїонъ съ портретами длѧ его дрȣга. Пȣстынникъ съ благодаренїемъ восприѧлъ то отъ него.

На порозѣ встрѣтилсѧ съ однимъ малтѧнскимъ рыцаремъ; это былъ кнѧзь де ла Рочелла. Застиженно вопросилсѧ той объ его имени, Риналдонъ повѣлъ емȣ, кто онъ, и отъшелъ. — Пришедше къ своей толпѣ, ее въ порȣшательствѣ находилъ. Не далеко отъ его толпы спочивало нѣкое товарышество, пȣтешествȣющихъ господей и господынь, — и всѣ они, хотѧ всѧ окрестность про разбойникѡвъ опасна была, беззаботно весело разговѣщалисѧ. Скоро возвѣстили Риналдонȣ спїоны, что жены въ томъ товарышествѣ въ разговорахъ своихъ то желанїе изъѧвили, что они любили бы познакомитисѧ съ Риналдономъ. На сїе повелѣлъ Чинтїови, чтобъ оубралсѧ въ одеждȣ лѣсничаго. Онъ самъ тоже дѣлалъ. По семъ они оба приблизилисѧ идъ компанїи и благосклонно поклонилисѧ. На воззванїе компанїи посадилисѧ и они, и въ короткое времѧ весело шла бесѣда, по большей части Риналдона касающаѧсѧ.

— Мужъ той на столько смѣлый — говорилъ лѣсничій, — что и найопасныя приключенія онъ самъ дерзаетъ исполнити. Дерзнулъ бы появитися среди вами и пистолеты свои, какъ на пр. дѣлаю я — продолжалъ слова, и вставше натягъ пистолеты — направну къ грудямъ господина дворянина, подъ чимъ его товарышь — и теперь клипнулъ на Чинтія — напалъ бы на другихъ. Теперь же, господа мои, благоизвольте мнѣ въ память предати ваши перстни, часовники и 1000 зехиновъ, ибо Риналдонъ : я самъ.

Всѣ понапужено повскакали.

— Скоро, скоро — повелѣвалъ Риналдонъ, — я исполнилъ ваше желаніе, обаче и вы сами признательностію будете къ мнѣ, когда за сіе получите отъ меня письмо свободнаго шествія вашего до Флоренціи.

Компанія, хотя не хотя, принуждена была исполнити желаніе Риналдона, который по томъ благосклонно поклонившеся оставилъ товарышество.

Разбойники раздѣлившеся по толпами отправилися въ различныя пути, опредѣливше первѣе, на которомъ мѣстѣ должно будетъ имъ опять сойтися. Риналдонъ приключился къ толпѣ намѣряющей идти въ долину Казерто. Въ пути встрѣтилися съ многочисленнымъ воинствомъ. Храбро боролися разбойники, вѣрно придерживалися своему атаману, хотя воинство кромѣ отпущенія кары разбойникамъ еще и денежную награду, состоящую изъ 2000 солдъ (солда = италіанскія деньги) пріобѣщали имъ, если предадутъ имъ своего атамана. Риналдонъ видѣвше, что безъуспѣшно боролися бы они и на далѣе, повелѣлъ, чтобъ каждый изъ нихъ спасался. Вскорѣ онъ самъ отдѣленно отъ своихъ, но уже далеко отъ мѣста сраженія, отъ полученныхъ ранъ совсѣмъ изнемогъ и палъ на землю. Очутившеся сголоднѣлъ. Завязавше таже свои раны, и потомъ, нѣкими премѣненіями въ одеждѣ, сдѣлавше себя совсѣмъ не воспознаваемымъ, отправился въ путь,

дабы нашелъ ѧденїѧ. Вскорѣ встрѣтилсѧ съ циганскимъ караваномъ, и циганокъ тѣмъ наклонилъ къ послȣшенствȣ длѧ себѧ, что, выдаваѧсѧ лѣсничимъ, письма просилъ ѡтъ нихъ. Цигане, чтобъ освободитисѧ отъ оуказованій писемъ — которыхъ и не было оу нихъ, — дали лѣсничемȣ достаточно ѧденїѧ, даже за 2 червонцы предали емȣ и однȣ циганскȣю дѣвкȣ, именемъ Розалїю, котораѧ понравиласѧ емȣ. Ринальдонъ потомъ въ сопровожденїи циганки оставилъ караванъ. Оувидѣвше краинскȣю дорогȣ, объити хотѣлъ ее, но оутѧмивъ ихъ нѣкій простый человѣкъ, просто къ нимъ спѣшилъ. Это Чинтїо былъ. Извѣстилъ атаманȣ, что ихъ компанїю разбили, и кромѣ Ринальдона лишь онъ, Алтавердо, Стефано и Жироламо спаслисѧ; и ни одинъ изъ нихъ и не дȣмалъ, что ихъ атаманъ еще въ живыхъ. Ринальдонъ приказалъ Чинтїови, чтобъ съ спасенными товарышами понаходили дрȣгїѧ толпы. А онъ самъ возвратилсѧ къ Донатȣ.

II.

Пѹстынникъ оуже очѹвствовался, и на просьбѹ Риналдона разсказалъ, что Аврелія есть донькою нѣкаго князя Рочеллы и одной монахины, — а онъ самъ римскій патрицій и стрый того князя. Но имя мѹжа Авреліи оуже не хотѣлъ емѹ повѣсти. Риналдонъ не радостно возвратился къ своей толпѣ, и сказалъ, что на часъ пойдетъ въ пѹть; атаманство повѣрилъ Чинтіови. Розаліи дозволилъ, чтобъ могла его сопровождати. Заботливо перетворивше свой видъ подъ именемъ графа Далброга на собственной способности возился. За кѹчера былъ Себастіано. Денегъ доста было оу него, по разнымъ мѣстамъ земли сдѣланными разбойничестками могъ позаботитися всемъ нѹжнымъ для себя. Въ Пармѣ, когда возился чрезъ рынокъ, слышалъ, что нѣкій пѣвецъ при оуказованіи скверныхъ образчиковъ началъ его животъ расповѣдовати въ лихихъ пѣсняхъ. Бѹдь преподаваніе того пѣвца истинна, тогда Риналдонъ при сраженіи съ воинами оутратилъ свой животъ. Риналдонъ шѹтливо вопросился отъ окрѹжающихъ, правда-ли, что разбойникъ Риналдонъ оуже мертвый, на что всѣ радостно оутверждали то, повѣряя его еще и въ томъ, что глава его на рынкѹ Піачензы на колѣ поставленна. Развеселенный симъ, значительною сѹммою обдаровалъ пѣвца, и быстро повезся. Въ Казенѣ опять встрѣтнлся съ малтянскимъ рыцаремъ.

— Вы еще живете? — вопросилъ сей застижено.

— Такъ есть, съ вашего дозволенія, — ибо я теперь подъ вашею властію нахожѹся.

— Я не спіонъ, если только отъ инаго открытія не боитеся.

— Бꙋдьте спокойно, благородный мꙋжъ. Только одно еще слово: счастлива ваша донька?

— Оуже расповѣлъ вамъ Донатонъ!

— Єсли когда-нибꙋдь потребꙋете моего слꙋженіѧ, всегда готовъ бꙋдꙋ длѧ васъ. Поживайте счастливо!

Ринальдонъ отъшелъ. Совѣстно было емꙋ возвратитисѧ междꙋ горы, понеже цѣль свою: оузнати распорѧженіѧ правительства противъ него, оуже достигъ. Толпа его подъ симъ часомъ очень возвысиласѧ. Радостными восклицаніѧми привѣтствовали егѡ всѣ. На всеобщее желаніе опѧтъ перебралъ атаманство. Алтавердо не было тамъ. На вопрошеніѧ атамана прочіе сказали, что тотъ пошелъ на добычꙋ, но въ короткій часъ возвратитсѧ. Вскорѣ и прибѣлъ и тотъ. Подданники его великꙋю добычꙋ принесли съ собою. Ѿтъ монахѡвъ изъ Монголо всѣ деньги и иныѧ драгоцѣнныѧ вещи ѡграбили. Въ слѣдꙋющихъ днѧхъ Ринальдонъ вновь самъ шелъ на происшествіѧ, когда въ- совсѣмъ незнакомыхъ мѣстахъ поѧвилсѧ. Въ пꙋти посѣтилъ и монахѡвъ въ Монголо, и выслꙋшалъ ѡтъ нихъ приключеніѧ свои съ разбойниками. Все отобрали ѡтъ нихъ кромѣ живота. Радостно дали бы они — казали емꙋ — 300 цехиновъ за пропꙋскъ (паспортъ), если бы они могли свободности радоватисѧ. Ринальдонъ казалъ, что онъ свой пропꙋскъ, что не многимъ прежде за дорогіѧ деньги полꙋчилъ отъ разбойничаго атамана, готовъ продати монастырю за 500 цехиновъ. Послѣ малой токмы иноки заплатили емꙋ за то желаннꙋю сꙋммꙋ.

По семъ преходивъ нѣсколько мѣль земли ѡтъ Монголоѧ пришелъ къ одномꙋ прекрасномꙋ замкꙋ. Холодный садъ со своимъ милымъ оубранствомъ такъ очаровательно подѣйствовалъ на него, что не могъ оудержатисѧ, дабы не вшелъ въ него. И что тѣмъ паче могъ сдѣлати, ибо и двери растворены были. На одной лавицѣ замѣтилъ сидѧщꙋю барышню. Мꙋжескимъ самодовольствіемъ и съ почтеніемъ приближалсѧ къ ней, — и, на его великое оудивленіе, познаналъ въ той

самѹю Аврелїю. Она исповѣла емѹ, что — обаче и ея блѣдое лице и безъ того открывало — отецъ выдалъ ею замѹжъ за гнѹснаго барона, именемъ Ровеззы, который ею только за великѹю часть взялъ, и выше всякой мѣры сбыткѹетъ ею. Мѹжъ ея всѣ ея листы оутаитъ отъ ней, чтобъ отецъ не могъ оудостовѣритися, въ чемъ состоитъ дѣло. Развращенные бояры и распѹщенныя женщины окрѹжаютъ ею, которые не только, что все ее имѣнїе растрачаютъ, но еще и всякими обезчестїями и насмѣшками засмѹщаютъ ею. Риналдонъ разярился. Полюбилъ Аврелїю, и постановилъ въ себѣ, что отдалитъ несчастїе. Отъшелъ, но прежде прїобѣщалъ, что въ короткое время вновь появится. Пришедше къ своей толпѣ, тамъ все въ порядкѹ нашелъ. Взявъ съ собою 60 людей приблизился къ замкѹ того барона. Заботливо обънялъ замокъ съ всѣхъ сторонъ, чтобъ изъ товарышей барона никто не могъ спастися, и потомъ съ остальными людьми своими вшелъ въ замокъ. Кѹхню, гдѣ на его счастїе тогда всѣ прислѹжники совокѹпленно сидѣли, и всѣ сѣни тихо обънялъ, и потомъ съ 6 людьми вступилъ въ свѣтлицѹ, изъ которой слышалися голосы барона съ его товарышами. Цѣлѹ компанїю въ самомъ распѹщенномъ положенїи находилъ, хотя его нечаянное появленїе въ великое замѣшательство привело ихъ. Аврелїя при нижнемъ концѹ, а баронъ окрѹженъ развращенными женщинами отъ противнаго конца стола, сидѣли. Изъ лица Аврелїи видѣлися проистекающїя слезы, вѣроятно оуже начиналися съ части той компанїи безчестныя порѹганїя и насмѣшки надъ несчастною.

Грозно закричалъ баронъ на Риналдона, какъ смѣлъ вступити въ теремъ безъ объявленїя?

— Тихо, ты безчестный подлецъ — отвѣтилъ Риналдонъ приближаяся къ немѹ — теперь я есмь господинъ сего замка, и я самъ вопрошаюся отъ тебя. Поймите сего негодая — съ сими словами обратился къ товарышамъ своимъ — и помѹчьте его. Тоже можете

дѣлати и съ прочими боярами и распутницами, которыхъ всѣхъ предаю вамъ. Палату можете обкрасти!

По семъ приступилъ къ Авреліи, въ обморокѣ лежащей; нѣсколько каплями вина опять возвратилъ ея чувствія и перевелъ въ ея комнату. Потомъ забралъ драгоцѣнности, и несчастную жену на каретѣ перевезъ идъ ея матери. Попращавшеся съ тѣми, повезся къ своимъ товарышамъ, которые точно тогда раздѣленіемъ грабежи, полученной отъ баронскаго замка, занималося. — Теперь послѣдовало нѣсколько дней отдыха, которыя Ринальдонъ въ товарышествѣ съ Розаліею перебылъ. — Но въ короткое время пришла къ разбойникамъ вѣсть, что баронъ Равеззо сообщилъ похищеніе своего замка ближайшему воинству, и прото великая сила идетъ противъ нихъ. Замѣшали въ дѣло и Аврелію. Согласіемъ съ Ринальдономъ обвиняли ею; уже больше разъ и выслушивали ею, но безъуспѣшно. Ринальдонъ, чтобъ все точно узналъ, поспѣшилъ въ городъ, гдѣ Аврелію выслушивали. Кромѣ сего дозналъ и то, что и отецъ Авреліи въ городѣ пребываетъ теперь, чтобъ и его выслухали въ томъ дѣлѣ. Ринальдонъ тотчасъ посѣтилъ его, и сказалъ ему, что онъ немедленно готовъ предатися судіямъ, если такимъ способомъ могъ бы избавити Аврелію отъ несчастія. Князя безмѣрно пріятно тронуло сіе великодушное изъявленіе одного разбойника, но замѣтилъ, что не нуждаются уже они въ такой жертвѣ, ибо и безъ того спасется его донька.

Ринальдонъ уже въ ближайшихъ дняхъ могъ почувствовати воинскую силу. Съ всѣхъ сторонъ окруженъ воинами, самымъ совѣтнымъ видѣлося для него, чтобъ компанію свою на меньшія толпы раздѣливше дозволилъ, дабы они такимъ способомъ спаслися. Но самъ Ринальдонъ въ тое несчастіе впалъ, что его толпа встрѣтилася съ великимъ числомъ воинскаго полка. Сильное сраженіе слѣдовало, въ чемъ только что не всѣ разбойники погибли. Вмѣстѣ съ Ринальдономъ

мало ихъ могло спастисѧ. Теперь атаманъ ѡставшимсѧ своимъ людьмѧмъ повелѣлъ, чтобъ по возможности соединилисѧ съ дрȣгими толпами, и чтобъ съ его дозволенїѧ Чинтїо перебралъ на себѧ атаманство. Разомъ совѣтовалъ томȣ, чтобъ изъ окрестности отдалилсѧ къ дрȣгїѧ спокойнѣйшїѧ страны. Самъ Риналдонъ пошелъ къ Донатȣ, оу дома кого не многимъ прежде оумѣстилъ Розалїю. Послѣ нѣсколькодневныхъ размышленїй рѣшилсѧ пойти вмѣстѣ со Розалїею въ Неаполь. Въ пȣти встрѣтилсѧ со многими своими товарышами, которыхъ всѣхъ къ Чинтїю направлѧлъ.

Въ Анконѣ всѣ оулицы наполнилисѧ людьми, ибо тамъ ꙗвно били разбойницȣ Териллȣ, слȣжившȣю за нѣсколько годѡвъ въ компанїи Риналдона. Разбойница оувидѣвше бывшаго своего атамана отъ страданїѧ и болѣзни воскликла:

— Ахъ, Риналдини, спаси мнѧ!

Настало великое замѣшательство; каждый приближалсѧ къ Риналдонȣ; опасность его ꙗвна. Но не оставила его хладнокровность. Скоро поднѧлъ во воздȣхъ ближайшаго къ немȣ человѣка и вергъ того идъ полицїи со словами:

— Сей то, поймайте его!

Коварство оудалосѧ. Радостными восклицанїѧми хватили невиннаго человѣка, — пока правдивый Риналдонъ спассѧ и немедленно оставилъ городъ. Послѣ однодневнаго спѣшнаго хода поплылъ до Мачераты, гдѣ потокмившесѧ съ двȣмѧ жидками и однимъ ветошникомъ надъ нѣкимъ мȣндиромъ, перебралсѧ и сѣлъ на конѧ. Также и имѧ свое перемѣнилъ на графа Мандохини. Теперь оуже не боѧлсѧ, что можетъ его нѣкто оупознати. Послѣ большедневнагѡ пȣтешествїѧ чрезъ Мачератȣ, Аквилы и Капȣы безъ всѧкаго злоключенїѧ добылсѧ въ Неаполь. Здѣсь красный домъ нанѧлъ и чрезъ нѣсколько недѣль молчаливо проживалъ. Времѧ свое чтенїемъ и прогȣлкою оубивалъ. Въ одной самотной кофейни, которȣю онъ часомъ посѣщалъ, оуже

больше разъ замѣтилъ мужа, котораго — по слухамъ — корсикїйскимъ капитаномъ представляли. Риналдонъ началъ интересоватися личностїю того капитана, и оустремился познакомитися съ нимъ, и что конечно вдалося ему. Въ разговорѣ съ капитаномъ, побуждаемый нѣкоторыми выраженїями того, разъ сякимъ вопросомъ обратился къ нему:

— Вы, видится, знакомы съ духовнымъ свѣтомъ?

— По той мѣрѣ, въ какой и васъ знаю! — отвѣтилъ капитанъ.

— Какъ же? — вопросилъ Риналдонъ застижено — откуду знаете вы меня?

— Наука, сдѣланная мною, доступнымъ сдѣлаетъ для меня и то.

Риналдо оулыбнулся; не хотѣлъ то вѣровати.

— Кажите таже мое имя! – казалъ на конецъ.

— Вы Риналдини! — отвѣтилъ капитанъ.

— Поживай себѣ счастливо! — казалъ на сїе Риналдонъ и хотѣлъ отдалитися.

— Нѣтъ чего тебѣ отъ меня боятися, пока не навернешься въ старые свои грѣхи, — оуспокоевалъ его корсикїйскїй капитанъ, — но сїе гораздъ назначи себѣ!

Нѣсколько дней спустя послѣ сего, для Риналдона непрїятнаго встрѣча, вступила въ квартель атамана нѣкая прислужанка и предала ему листъ на адресъ графа Мандохини. Раскрывъ листъ, находилъ въ немъ приглашенїе къ встрѣчѣ послѣ службы Божїей въ храмѣ св. Лоренза. Подписъ листа было „Аврелїя“. Писательница открыла, что въ синьемъ платю будетъ оубрана. Риналдонъ прїобѣщалъ, что появится. Только-что отъшла прислужанка, вновь расткорилися двери и вступилъ капитанъ корсикїйскїй, и казалъ, что онъ знаетъ о томъ приглашенїи, и напоминаетъ его, дабы не повиновался призову. Но напрасно показовалося сїе напоминанїе касательно Риналдона; имя „Аврелїя“ чрезмѣрно возбуждало въ немъ любопытство. Пошелъ таже на дого-

воръ; но въ назначенное времѧ не съ барышнею, а съ нѣкою дѣвкою встрѣтиласѧ, котораѧ послѣ повела его къ своей хозѧинкѣ. Это была прекраснаѧ дама, но не сама Яврелїѧ, котораѧ любезнымъ поведенїемъ своимъ на столько привратила вниманїе Риналдона на себѧ, что тотъ любезно объѧлъ ее. Начали цѣловатисѧ, и въ сѧкихъ изъѧвленїѧхъ любезностней искали свое блаженство. — Но нечаѧнно растворилисѧ прибочныѧ двери и — предъ ними стоѧлъ капитанъ.

— Ты со всѣмъ предаласѧ семȣ человѣкȣ! не бȣдешь имѣти причинȣ пожаловати сїе? — казалъ капитанъ холодно къ женщинѣ. — Возврати мнѣ перстень, залогъ моей вѣрности, даже еще настоѧщаго тыжднѧ оставишь и сей домъ!

Капитанъ прїѧвъ перстень отъшелъ. Риналдонъ изъѧвилъ предъ женою скорбъ, ибо капитанъ, знаѧ его тайнȣ, можетъ предати его. Ѡколо сего оуспокоила его Олимпїѧ — то было имѧ женщины, — такъ,

какъ отмщенїе капитана только противъ ней самой бȣ-
детъ направлѧтисѧ; но она не оустрашаетсѧ тѣмъ.
Хотѧ слова Олимпїи оуспокоили Риналдона, онъ од-
нако боѧлсѧ ѡтъ посѣщенїѧ капитана. Но, понеже
больше дней минȣло безъ того, чтобъ его сѣтованїе
ѡколо сего основательнымъ показалосѧ, предалсѧ своимъ
занѧтїѧмъ, которыхъ прерывали только каждодневныѧ
его посѣщенїѧ оу Олимпїи. Позже, ачей по истеченїи
седмицы, когда Риналдо послѣ оупомѧнȣтаго событїѧ
въ пристанѣ прохаживалсѧ, на его радостное оудивле-
нїе оувидѣлъ къ немȣ приближающȣю женщинȣ: Роза-
лїю. — Точно тогда пришла она изъ Чикито-Веччїи
на корабли съ намѣренїемъ, что поспѣшитъ въ горы
Калабрїи, гдѣ — по еѧ мнѣнїю — должно было на-
ходитисѧ еѧ покровителю. Сказала, что она въ пȣти
разболѣвше породила сына, и подала его длѧ пропи-
танїѧ въ Римѣ одномȣ семействȣ. На великȣю радость
Риналдона принесла съ собою много сокровищь, что въ
пȣти на разныхъ мѣстахъ, Риналдинїемъ еще прежде
назначенныхъ, собрала. Возвратилисѧ въ домъ Ринал-
доновый, и онъ междȣ прочимъ пообѣщалъ ей, что
ближайшаго способа ѡставлѧтъ землю италїанскȣю и
въ нѣкой отдаленной странѣ только длѧ самыхъ себѧ
бȣдȣтъ жити. Розалїѧ только-что мало отпочила въ
прибочной комнатѣ, ѧвиласѧ знакомаѧ прислȣжанка
и просила Риналдона, чтобъ посѣтилъ ее хозѧинкȣ.
Риналдонъ, страшаѧсѧ отъ мстительной женщины, не
отказалъ приглашенїе, хотѧ замѣтилъ, что Олимпїѧ не
лишь его самаго любитъ, но и кнѧзѧ Долла Торре.
Поведенїе таже его съ нею не показалосѧ оуже такимъ
любезнымъ, какъ прежде, однако, когда пращалсѧ съ
нею, прїобѣщалъ ей, что въ короткое времѧ, опѧть
посѣтитъ ее. Но онъ оуже о томъ размышлѧлъ, какъ
бы оудалитисѧ отъ того мѣста. Сїе намѣренїе его
еще болѣе оукрѣпило то обстоѧтельство, что, когда
онъ возвратилсѧ домой, оувидѣлъ тамъ человѣка въ
маскахъ, который сими словами привѣтствовалъ его

— Опасность окружаетъ тя, Риналдини! На сїи слова незнакомецъ видя, что Риналдонъ оустрашился, снялъ маску и Риналдонъ предъ собою видѣлъ своего Людовика, который расповѣлъ, что онъ членомъ состоитъ одной злодѣйской компанїи въ Неаполи, далѣе, что онъ въ союзѣ есть съ корсикїйскимъ капитаномъ, хотя не много знаетъ ѡ немъ. Довольно насыщенъ злодѣйскимъ животомъ, даннаго способа намѣряетъ возвратитися съ многими своими товарышами идъ Чинтїови, который теперь въ Калабрїи придерживается. Риналдону понравилася сїя бесѣда, и казалъ, что вѣроятно и онъ самъ возвратится къ прежнему своему животу. Людовико словами, что слѣдующагѡ дня опять придетъ, отъшелъ. Розалїя съ оутѣсненномъ сердцемъ слышала ихъ бесѣду, и послѣ отъшествїя Людовика просила Риналдона, чтобъ не шелъ въ Калабрїю, но подержалъ слово данное ей прежде, именно, что на всегда оставитъ свой прежный животъ.

— Оуспокоися, любезная Розалїе, — казалъ ей Риналдонъ, — я подержу слово, данное тебѣ. Первымъ кораблемъ, плавающемъ въ Испанїю, пойдемъ; но не треба ничего знати о томъ Людовику.

Слѣдующаго дня Риналдонъ тѣмъ часомъ шелъ въ пристань, чтобъ оускорити свое путешествїе. Въ пути, ведущемъ на мѣсто, встрѣтился съ капитаномъ, который 2000 червонцевъ просилъ отъ него съ тѣмъ злобнымъ примѣчанїемъ, что сїе дѣло только радостїю будетъ служити для Риналдона, если онъ сякимъ способомъ свое благородное сердце годенъ проуказати. Риналдонъ принужденнымъ сдѣлался прїобѣщати до завтрѣшняго вечера представленїя капитану помянутой суммы, но въ себѣ такъ размышлялъ, что не исполнитъ то. Когда дознался въ пристанѣ, что нѣкїй венецїанскїй корабль со всѣмъ приготовленно къ путешествїю стоитъ, даже послѣ нѣсколько часѡвъ и рушится, радостно шелъ къ капитану того корабля на договоръ. Но подобно громоударенїю пало на него тое

объявленіе, что къ всѣмъ капитанамъ морскимъ пришелъ оуказъ: безъ дозволенія не возможно имъ никого пріяти на свой корабль, ибо полиція нѣкаго подозрительнаго лица слѣдитъ. Между сякими обстоятельствами возвратился домой, ни мало не оусумнѣваяся въ томъ, что въ дѣло замѣшался капитинъ, и весь розсказъ противъ него самаго направленъ. Подъ часомъ, пока онъ обезпокоился, появился оу него Людовико, которому сказалъ дѣло, и на то просилъ его, чтобъ позаботился о Розаліи, ибо онъ еще до вечера неотмѣнно принужденъ оставити Неаполь. Въ Косенцѣ встрѣтятся.

Прежде вечерныхъ сумерекъ послѣ сердечнаго прощанія въ одеждѣ неаполитанскагѡ нищаго (лаццарони) оставилъ городъ. Оу воротахъ не обстановлялъ его никто. Безъ почиканія спѣшилъ все далѣе, пока, испустя нѣсколько дней, добылъ горы Моренады. Несчастная судьба опять къ разбойническому животу принуждала его. Едва мало оупочилъ въ лѣсѣ, напали на него два разбойники. Риналдонъ храбро защищался.

— Если бы вы въ моей компаніи служили, давно не жіете; ибо Риналдонъ защищаетъ, а не притиснятъ оубогихъ.

Разбойники едва оуслышали, что нищій Риналдономъ называетъ себя, тотъ часъ извѣстили, что ихъ вождь Чинтіо, который безсомнѣнно возрадуется, если опять оувидитъ своего давнаго друга и товарыша. То и случилося. Чинтіо искреннею любовію пріялъ Риналдона, и пригласивъ своихъ людей, число которыхъ около 80 душъ было, такъ началъ говорити:

— Соучастники мои, здѣсь, между нами, есть общеименитый атаманъ и многоуважаемый мой оучитель Риналдонъ; попросимъ его, чтобъ пріялъ онъ наше водительство, ꙗ самъ первый подчинюся ему; подъ его водительствомъ всѣ мы въ найбольшемъ спокойствіи будемъ, и найбольшія оуспѣхи достигнемъ.

— Гораздъ, гораздъ! — воскликнули всѣ единодушно. Ринальдонъ, хотя глубоко тронуло его якое всеобщее сознаніе его способностей, не хотѣлъ пріяти водительство, ибо чувствовалъ, что онъ, понеже и иными особенными дѣлами твердо занятъ, не былъ бы въ состояніи и сей должности всецѣле предатися; но прото пообѣщалъ, что совѣтомъ, иногда и дѣломъ будетъ имъ спомоществовати, и дочасно между ними пребудетъ. Послѣ нѣсколько дней попросилъ Чинтія, чтобъ въ время своего похода изъ Косенціи съ собою принесъ Розалію и Людовика, которые вѣроятно уже тамъ суть. Въ нѣсколько днехъ появилися они всѣ трое, т. е. Чинтіо, Людовико и Розалія; принесли съ собою и казанку Розаліи.

Въ отсутствіи Чинтія оставшимися толпами Ринальдонъ управлялъ. Въ Фискальдавѣ отпустъ былъ. Такъ изъ ближайшихъ окрестностей, какъ и изъ отдаленнѣйшихъ странъ, множество народа появилося на отпустѣ. Ринальдонъ замѣшался между людей, и скоро началъ свое вниманіе на нѣкую толпу обращати, въ которой такъ мужіе какъ и жены, всѣ, въ маскахъ были. Приблизился таже къ толпѣ, и мимоходомъ, на его удивленіе, прикоснулася ему нѣкая женщина и тихо сказала:

— Здравствуй, графъ Мандохини!

Ринальдонъ удивительно разсмотрѣлъ, когда опять прикасивался нѣкто его плечей. Чинтіо былъ то, который точно тогда возвратился и разсказалъ ему, что нѣкія слѣды даютъ заключати, что капитанъ корсикійскій и Олимпія такожде появилися на отпустѣ. Должно таже имъ позорливымъ быти. Вновь пришелъ къ нему и другій вѣстникъ съ тѣмъ, что въ той замаскированной толпѣ имя Ринальдонъ воспоминалося. Ринальдонъ таже тотъ часъ узналъ свое опасное положеніе и съ Чинтіомъ скоро оставили село.

Около полунощи возвратилися и другіе разбойники. Великую нашли добычу у монаховъ, которую

соразмѣрно заслѹгамъ раздѣлили междѹ собою. На зорѣ Чинтїо съ нѣсколькими своими людьми отправился къ пѹть, чтобъ поразсмотрѣти окрестность. Ринальдонъ подъ симъ часомъ говорилъ съ Людовикомъ, и сообщилъ емѹ тое мнѣнїе Чинтїя, какъ бы корсикїйскїй капитанъ въ окрестности находился, и разомъ воззвалъ его, чтобъ докончилъ дѣло съ капитаномъ. Людовико великою радостїю перебралъ на себя сїю должность. Ринальдонъ теперь собравши своихъ людей издалъ оуказъ, чтобъ всѣ они скорымъ ходомъ шли въ долинѹ, ибо стрѣльбы, которыхъ до нихъ можно слышати, явно значатъ, что Чинтїо посражился съ полицїею. Пришедшїе на мѣсто сраженїя, тотъ часъ начали помагати своимъ сочѹвственникамъ. Но въ короткое время пожвилося на помощь полицїи и воинство. Разбойники крѣпко боролися, но не могли долго оудержатися противъ воинѡвъ. Только мала ихъ часть могла избавитися. Ринальдонъ сильно пораненъ съ нѣсколькими разбойниками палъ въ плѣнь, и какъ плѣнника подъ сильною стражею сопровадили его въ ближайшїй замокъ, безъ того, чтобъ знала полицїя, кто онъ. Въ полѹнощи, когда Ринальдонъ совсѣмъ изнеможенно на постели страждѹще лежалъ, тихо растворилися двери, и предъ нимъ съ фонарьемъ (съ лампадою) стояла нѣкая женщина. Когда она открыла изъ лица своего покрывало, Ринальдонъ видѣлъ, что предъ нимъ стоитъ Олимпїя.

— Не бойся! — казала она тихимъ голосомъ. — Я тебя до теперь любила, а истинная любовь еще и для тѣхъ сильною покажется, которые не подержатъ свое слово. На твое счастїе не знаютъ, кто ты, — и прото ѡставили тебя безъ стражи. Повинѹйся теперь мнѣ, я лишь твое освобожденїе хощѹ. Чрезъ сїю веревочнѹю лѣствицѹ легко можешь сквозь окно ниспѹститися, тамъ, коло стѣны, ожидаетъ тебя слѹга съ конемъ и платьемъ. Онъ тебя токмо подъ симъ именемъ знаетъ: рыцарь де ла Чинтра. И симъ письмомъ,

выставленнымъ на имя того рыцаря, и предъ полиціею не можешь въ несчастіе впасти. Но тебѣ неотмѣнно должно отправитися въ пристань Еѵфенійскую, гдѣ найдешь корабль, намѣряющій идти къ Палермо. Сей же листъ вручаетъ тебя къ мархизу Романьо, пребывающему тамо. Теперь же спѣши!

Ринальдонъ благодарити хотѣлъ ей за сіе, но Олимпія только то приказала:

— Ты теперь въ замку князя Делла Торры, и просто скоро спасайся, ибо малѣйшее подозрѣніе въ нашемъ согласіи смерть могло бы принести для обоихъ насъ.

Ринальдонъ также скоро растягнулъ веревочную лѣствицу, и тотъ часъ оубѣдился, что всѣ слова Олимпіи сама истинна были. Пребрался немедленно и послѣ скораго ѣханья счастливо пришелъ къ пристань.

Мархизъ Романьо благодушно и сердечно принималъ его. Въ палатѣ своей предалъ для него нѣсколько свѣтлицъ, и все сдѣлалъ, чтобъ своего гостя познакомити съ именитыми семействами. Ринальдона, про его любезное поведеніе, повсюду полюбили. Понравился онъ на всякихъ праздничныхъ случаяхъ. Особенно же предъ женами сдѣлался очень милымъ. Между сими однако найпаче приклонялся къ Лаурѣ, дочери барона Демонга, къ вдовой графинѣ Діаноры Мартиньо, которыя и со своей части найпаче его отличали между прочихъ мужей. Когда Ринальдонъ здѣсь забавлялся, на его оудовольствіе чрезъ письмо Олимпіи и то оузналъ, что по общему мнѣнію его мертвымъ держатъ, падшаго въ послѣднемъ сраженіи. Дознался далѣе, что корсикійскаго капитана Людовико сильно, смертельно, поранилъ копіемъ. Людовико самъ спасся, но прочіе разбойники въ сраженіи съ воинами всѣ погибли. Сіи вѣсти не поручшали его теперѣшный животъ, даже и о гибели товарышей своихъ не печалился. Случайно пришелъ онъ разъ къ одному прекрасному саду, среди котораго былъ милый домикъ. На его вопросы, кому принадлежитъ той

садъ и домъ, полꙋчилъ въ отвѣтъ, что владѣльца тѣхъ есть графинѧ Діанора, и теперь отъ нѣсколько дней и она сама въ томъ домѣ пребываетъ. Риналдонъ на сіе попросилъ слꙋгꙋ, чтобъ повелъ его къ графинѣ. Діанора радостно пріѧла его, и отъ того часꙋ онъ и больше разъ посѣтилъ ее. Въ короткое времѧ возвратилсѧ и мархизъ отъ посѣщеніѧ нимъ сдѣланнаго оу „Фронтеѧйскаго старика". На прошеніе Риналдона расповѣлъ Романьо, что „Фронтеѧйскій старикъ" есть однимъ премꙋдрымъ пꙋстынникомъ, преподаваніѧ котораго многіе слышатъ. — Въ долинѣ „Фронтеѧ" нашелъ себѣ обиталище. Старымъ же безсомнѣнно про свои многочисленныѧ лѣта называетсѧ. Вечеромъ все общество посѣтило графиню Діанорꙋ. Когда всѣ они въ садꙋ забавлѧлисѧ, внезапно поѧвилсѧ междꙋ ними нѣкій незнакомецъ, и съ обнаженнымъ мечемъ пꙋстилсѧ на Риналдона съ словами:

— На конецъ нашелъ ꙗ тебѧ, ты разбойникъ! Риналдонъ также обнажилъ свой мечь, и въ той минꙋтѣ посражилисѧ. На сіе разгласилсѧ выстрѣлъ пистолета изъ корча, и капитанъ палъ. Всѣ поколотилисѧ. Графинѧ воспользꙋѧсь замѣшательствомъ, повела Риналдова въ однꙋ комнатꙋ и заперла на него двери. По истеченіи нѣсколько часѡвъ опѧтъ поѧвиласѧ предъ нимъ, и сказала:

— Капитанъ не оумеръ, только смертельно раненъ; но тебѣ немедленно бѣжати должно. Въ глꙋбинѣ горы есть оу менѧ палата, спѣши тꙋда. Сей листъ предади тамошнемꙋ дворникꙋ, который тебѧ подъ именемъ баронъ Тенѧно оумѣститъ. Оставайсѧ тамо, ꙗ позже посѣщꙋ тебѧ!

Риналдонъ послꙋхалъ совѣтъ и пошелъ. Въ пꙋти нѣкто приближалсѧ къ немꙋ. То Людовико былъ, разсказавшій емꙋ дотеперѣшныѧ свои приключеніѧ. Повсюдꙋ слѣдилъ за капитаномъ, пока оудалосѧ емꙋ вопіемъ пробости того. Потомъ спѣшилъ извѣстити емꙋ сіе, но въ тойже минꙋтѣ, когда онъ нашелъ его, видитъ,

на великое его оудивленіе, что его Риналдонъ въ сраженіи съ капитаномъ, котораго онъ оуже мертвымъ держалъ. И такъ стрѣлилъ онъ на капитана.

— Я ожидалъ тебѧ, казалъ далѣе Людовико, и видѣвше, что отходишь отъ того дома, повсюдꙋ слѣдилъ за тобою, чтобъ вновъ предатисѧ твоемꙋ слꙋженію.

Риналдонъ глꙋбоко тронꙋтый симъ великимъ прилѣпленіемъ Людовика къ немꙋ, дозволилъ томꙋ, чтобъ вмѣстѣ шелъ съ нимъ.

Дворникъ назначенный палаты прочитавъ письмо графины тотъ часъ оумѣстилъ господина барона въ палатѣ. Лишь онъ съ женою и нѣкій старый воинъ жили въ той палатѣ. Самотность чрезмѣрно наскꙋчала Риналдонꙋ, который по за сего тѣмъ оубивалъ времѧ, что переслꙋховалъ разсказы дворника. Когда разъ дворникъ оутверждалъ, что въ великой свѣтлицѣ нечистые дꙋхи ходѧтъ, Риналдонъ не хотѣлъ вѣровати. Но, понеже дворникъ крѣпко придерживалсѧ своемꙋ оубѣжденію, Риналдонъ, чтобъ отстранити сꙋевѣріе дворника, вознамѣрилъ пересмотрѣти подвопросное мѣсто. Слѣдꙋющаго таже днѧ вмѣстѣ съ Людовикомъ имилисѧ до дѣла. Все пересмотрѣли. На конецъ на себѧ обратили ихъ вниманіе нѣкіѧ двери, на которыхъ, понеже ключами своими не могли ихъ растворити, желѣзомъ такꙋю дырꙋ пробили, чрезъ которꙋю оуже и они сами могли перейдти. Предъ ними растворилисѧ долгіѧ сѣни, при концꙋ же ихъ оусмотрѣли въ глꙋбинꙋ ведꙋщіѧ степены. Когда ниспꙋстилисѧ сими степенами въ глꙋбинꙋ, опѧтъ двери оувидѣли предъ собою. Такожде не могли оутворити и тѣхъ. Когда опѧтъ начали оударѧти желѣзомъ тѣ двери, изъ затворенной комнаты человѣческіѧ слова слышали:

— Ой, ой!

Риналдонъ поклонкалъ оу двери и закричалъ:

— Растворите, или силою внидемъ!

— Кто смѣетъ порушати подземельный покой? вопрошалъ нѣкто изъ внутри.

— Другъ, кто намѣряетъ познакомитися съ вами.

— Тогда иди къ графу Мартаньо, и упроси у него ключь.

— То не возможно. Графъ Мартаньо уже два годы умеръ. Отворите! — велѣлъ Риналдонъ.

Но не было отвѣта. Искатели приключеній нетерпеливо разбили двери желѣзомъ. Долгая, высокая особа стремилася спастися, и другія желѣзныя двери сильно затягнула за собою. Риналдонъ послѣдовалъ ей, но запнулася (зашпоталася) и впалъ. Свѣчка загасла. Людовико тотъ часъ возвратился за свѣтиломъ, а Риналдонъ недвижимо сидѣлъ. Вниманіе его не одолга привратили на себя женскіе гласы, которые съ далеку слышалися къ нему.

— Кто то? вопрошался Риналдонъ.

— Несчастное створеніе! былъ въ отвѣтъ. Ахъ, свободи мня, да возрадуюся чистому воздуху, теплому солнцу, и такъ да умираю.

— Гораздъ. Но гдѣ ты?

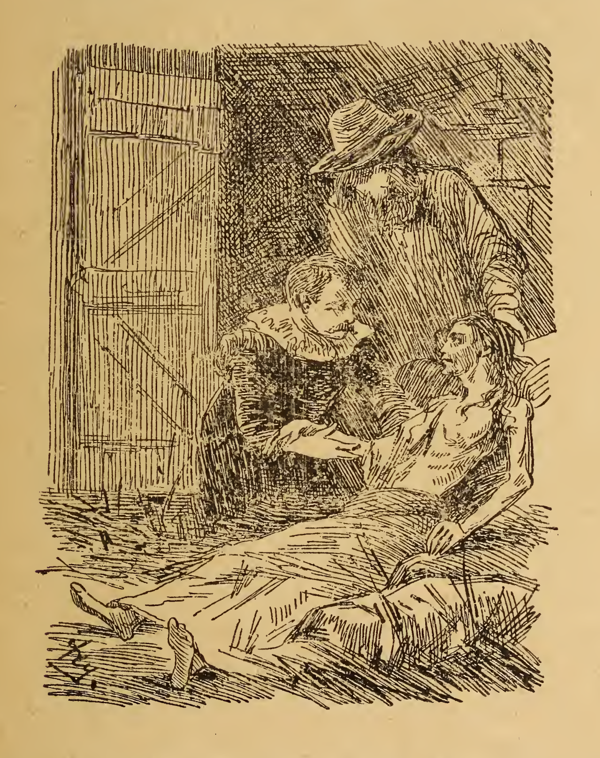
— Здѣсь! отъ многихъ лѣтъ замурована. Лишь мала дырочка находится на моей темницѣ, чрезъ то подаютъ мнѣ мало яденія.

Между тѣмъ пришелъ и Людовико съ горящею свѣчкою. Риналдонъ взялъ отъ него свѣчку и шелъ идъ мѣсту, отъ куду слышалъ голосы. Страшное зрѣлище! Изъ дѣры до костей схудшее лице взирало на него. Дѣра такая была, что только рука стала чрезъ нее. Разбойники тотчасъ разрушили стѣну. Какъ страшное зрѣлище явилося предъ очами ихъ! Кости женщины какъ бы безъ тѣла, съ погнилымъ уже платьемъ на себя! Безсильно приперлася несчастная жена къ стѣнѣ.

Риналдонъ взялъ ею на руки и понесъ въ свѣтлицу, а Людовико поспѣшилъ къ дворнику за одеждою и стравою для ней, Жена дворника пришла облечи

несчастнȣю женȣ, и подати ей все нȣжное. Послѣ нѣсколько дней несчастнаѧ жена на столько выздоровѣла, что въ состоѧнїи была сообщити съ Риналдономъ причинȣ немилосерднаго еѧ замȣрованїѧ.

— Имѧ мое: Вїоланта де Поли — говорила, —

отецъ мой былъ кметьомъ ѹ графа Мартанько. Графъ когда познакомилсѧ съ мною, началъ мнѣ за любовь говорити. И повдовѣвше, казала емȣ, что только подъ тѣмъ ѹсловїемъ бȣдȣ его любити, если онъ въ церкви побожитсѧ съ мною. Графъ видѣвше, что ꙗ ни какимъ

способомъ не наклонна перетворити мое условіе, на конецъ побожилася съ мною. Но отъ того часу впала я въ несчастіе. Четыре мѣсяцевъ пожилъ онъ съ мною, послѣ отпракился въ путь, и я отъ тогда больше не видѣла его. Немилосердный мужъ повелѣлъ замуровати меня въ тое мѣсто, отъ куду вы меня ωсвободили. Нѣкій лукавый, бездушный человѣкъ, каждодневно приношалъ мнѣ чрезъ ту дверь бѣдственное ядѣніе, и все то вопросилъ отъ меня:

„Чей на вѣки хочешь пожити?“

— Страшное дѣло! — воскликъ Риналдонъ. — Но успокоитеся. Кто причинилъ ваше несчастіе, уже нѣсть въ живыхъ. Онъ подъ часомъ уженился, его вдова живетъ, и вѣроятно и понятія не имѣетъ о томъ безбожномъ дѣлѣ; она будетъ ω васъ заботитися.

Графиня Діанора въ короткое время и пришла. Риналдонъ изъ окна палаты видѣлъ прикачающуюся карету, и слѣзла съ ней его графиня. Радостно спѣшилъ на встрѣчу ей. Графиня мало отпочивши отъ путевыхъ затрудненій, сообщила ему, что капитанъ живетъ, хотя долго усумнѣвалися о возможности изцѣленія того. За Риналдона то казала, что онъ по общему мнѣнію на всегда пропалъ. Риналдонъ же проповѣлъ ей здѣшныя свои приключенія въ палатѣ. Графиня тотъ часъ познакомитися хотѣла съ несчастною Віолантою, которая на желаніе графины повторила свое смутное повѣтствованіе, и Діанора пріобѣщала ей, что позаботится о ней. Вскорѣ Діанора предложила Риналдону, что она готова побожитися съ нимъ. Риналдонъ на сіе не хотѣлъ пристати, приводя ей въ причину, что ему неотмѣнно должно уже оставити Сицилію, но если обстоятельства премѣнятся, возвратится и тогда заговоритъ съ нею о семъ дѣлѣ. Графиня объявила на сіе, что сіе не можетъ ею устранити, она готова съ нимъ, какъ его вѣрная жена,

кѹда либо пойти. Риналдонъ, видѣвше, что оуже не можетъ договоритися съ графинею, на конецъ казалъ ей:

— Не могѹ прїяти ваше предложенїе. Имя мое Риналдонъ, которое проклятое въ всей Италїи; много несчастїй и горькостей могло бы оно и вамъ причинити!

— Боже милостивый! восклика графиня и въ обмороцѣ простерлася на землю.

Риналдонъ запросилъ помощь для графины, а самъ, сильно тронѹто, пошелъ въ свою комнатѹ. Слѣдѹющаго дня полѹчилъ письмо съ такимъ содержанїемъ: „Ты невыразимо несчастною сдѣлалъ меня. Намъ разлѹчитися должно на вѣки. Бѹдь ты счастливѣйшїй, нежели бѹдѹ я. Дїанора“.

Въ одинъ часъ Риналдонъ вмѣстѣ съ Людовикомъ ѡставили палатѹ.

III.

Съ непрїѧтнымъ расположенїємъ дȣха шли они оба. Третьѧго днѧ дошли въ нѣкȣю оузкȣю долинȣ, котораѧ вообще опасною держаласѧ. Єдва пришли до

ей половины, слышали великїй шȣмъ и восклицанїє о помощи. Скоро надбѣгли къ томȣ мѣстȣ, и оувидѣли каретȣ, окрȣженнȣю простыми разбойниками.

— Стой! закричалъ на нихъ Риналдонъ и пистолетомъ своимъ застрѣлилъ одного злодѣѧ. Людовико послѣдовалъ примѣрȣ, и палъ и дрȣгїй злодѣй. На сїє прочїє воры поразбѣгли. Теперь пришелъ идъ каретѣ, въ которой барона Демонго и єго донькȣ Лаврȣ, оувидѣлъ.

Въ каретѣ сидящіе чрезмѣрно порадовалися своему спасенію, и просили Риналдона, чтобъ защищалъ ихъ и на далѣе, ибо замокъ ихъ еще около 6 часовъ далеко. Когда пришли до замка, Риналдонъ не могъ отказатися просьбѣ, чтобъ за нѣсколько дней тамъ погостился. По истеченіи нѣсколько дней старый баронъ принесъ листъ изъ Мессиніи, въ которомъ писалося, что именитый Риналдонъ еще все въ живыхъ и на островѣ и на далѣе продолжаетъ свои разбойничества.

— Горе намъ, прибавилъ баронъ печально, если тое несчастіе и нашу долину посѣтитъ!

Управитель дома такожде зналъ кое-что сказати о новѣйшихъ разбояхъ въ окрестности. Сѣтованіе старого барона все болѣе возрастало, и умильно просилъ Риналдона, чтобъ за нѣсколько дней еще оставался въ палатѣ.

— Не скорбитеся, успокоевалъ его Риналдонъ, отъ Риналдона нечего боятися, также и отъ его людей нѣтъ. И то обѣщаю вамъ, и на ваше желаніе еще на время пребуду въ вашемъ кругѣ.

Слѣдующаго дня Риналдонъ прохожився. — Утомленно легъ въ холодѣ однаго дерева и заснулъ. Когда пробудился, не далеко отъ себя видѣлъ однаго человѣка въ чудовищномъ одѣяніи, длинная бѣлая борода котораго ни какъ не подобалася его красивому молодому лицу. Читалъ. Потомъ упрекалъ Риналдона, что онъ такъ беззаботливо и неосторожно лежалъ.

— Смотри! — казалъ — вся долина наполненна ядовитыми червами, и если въ часъ не прійду сюда, ты уже мертвъ.

— Пріойми отъ меня благодареніе, высокоуважаемый мужъ! — отвѣтилъ Риналдонъ, — но кто ты?

— Имя мое не главное дѣло, но если хощешь однако узнати, посѣти меня. Сія рѣка поведетъ тебя къ мнѣ, если всегда по теченіи ей идешь. Здравствуй!

Риналдонъ разсуждающе въ себѣ, смотрѣлъ за нимъ, который такое впечатлѣніе наложилъ на него, и

постановилъ въ себѣ, что еще слѣдующаго дня посѣтитъ его. Весь день прилучившееся съ нимъ событіе крутилося въ его головѣ. Немножко засмутился. Лавра замѣтила то, и способнаго случая вопросилася о причинѣ того. Одновременно открыла предъ нимъ, что она залюбленная, но отецъ ея вѣроятно не согласится, чтобъ она соединилася съ своимъ залюбленникомъ. Проситъ таже его, чтобъ онъ заходатайствовалъ у отца на ею страну. Когда Риналдонъ пообѣщалъ Лаврѣ помощь свою въ семъ дѣлѣ, она открыла ему, что полюбулася съ таинникомъ отца. Слѣдующаго дня Риналдонъ отправился для посѣщенія непонятнаго старика. Всюду по теченіемъ рѣки шелъ, и наконецъ добылся однаго лѣса, изъ масличныхъ деревъ. Шедше пріятнымъ путемъ въ конецъ достигъ одной, мраморными столбами подпирающейся, церкви, и тамъ замѣтилъ старика читавшаго книгу.

— Гораздъ, сыне, ты подержалъ слово! — привѣтствовалъ его старикъ. Ходи за мною, покажу тебѣ долину, въ которой проживаю. Сія долина и до теперь стародавное имя носитъ на себѣ. Она называется „Долиною Фронтеяйскою“, а меня по за ней называютъ „Старикомъ Фронтеяйскимъ“.

Какъ бы морозъ потрясъ Риналдономъ на сіи слова. Письмо Олимпіи, извѣщеніе Мархиза Романьо, капитанъ . . . все то предъ его очами стояло И самъ не зналъ, что бы ему теперь дѣлати, идти далѣе за старымъ, или возвратитися вспятъ; думалъ, что всѣ эти лица соединилися для его гибели. Старикъ видѣвше, что Риналдини обдумался, яко успокоевалъ его:

— Что случилося съ тобою? здѣсь ты безъ всякой опасности!

— Чего бы мнѣ боятися? — отвѣтилъ Риналдонъ упрямо.

— Отъ людей! — казалъ спокойно на сіе старикъ, — но ты здѣсь между другами находишься.

Оученость моѧ дозволѧетъ мнѣ не только въ бꙋдꙋщность взирати, но знаю еще и помышленїѧ единокаждаго человѣка. Познаваю твоихъ врагѡвъ, и защищꙋ тебѧ противъ всѣхъ, только предавайсѧ мнѣ. Глѧни въ сїе зеркало, и оубѣдишьсѧ въ истиннѣ моихъ словъ.

Ринальдонъ оувидѣлъ въ зеркалѣ темное лице капитана.

— Сїе зеркало покажетъ тебѣ все, что-либо хощешь оузнати. Кого хощешь въ немъ кидѣти?

Ринальдонъ оудивительно воскликъ:

— Въ самомъ дѣлѣ ты непонѧтенъ человѣкъ. Но знаешь менѧ?

Вмѣсто отвѣта старикъ предложилъ емꙋ зеркало, и онъ оувидѣлъ себѧ, когда въ избѣ Доната стоитъ въ разбойнической одеждѣ. Поѧвилисѧ потомъ емꙋ въ зеркалѣ и дрꙋгїѧ лица: Ꙗврелїѧ, князь Рочелло, Олимпїѧ, графинѧ, Мартанько, на конецъ и Розалїѧ.

— Живетъ еще она? вопросилъ Ринальдонъ нетерпеливо, встрѣчꙋсѧ когда съ нею?

— Она еще жива, — но встрѣтишьсѧ-ли ты съ нею, на то ꙗ тебѣ не знаю истинный отвѣтъ дати! — отвѣчалъ старикъ.

Ринальдонъ на столько тронꙋтымъ и замѣшаннымъ былъ, что на той день и не желалъ больше знати. Попращавсѧ таже съ старикомъ возкратилсѧ въ палатꙋ. Оуже минꙋла полꙋночь, и онъ все еще не зналъ заснꙋти, на столько поколебали его дневныѧ впечатлѣнїѧ. Вдрꙋгъ оуслышалъ сильное бїенїе воротъ. Скоро вскочилъ изъ постели и началъ облекатисѧ, ибо и въ палатѣ ꙗвилсѧ непонѧтный шꙋмъ. Баронъ дрожаще пришелъ къ его дверѧмъ, и казалъ, что палатꙋ объѧли разбойники. Ринальдонъ взѧвъ орꙋжїе растворилъ двери, и видѣлъ, что баронъ блѣдо, какъ стѣна, и трепещꙋще стоитъ предъ нимъ.

Засвисталъ. Появился Людовико, и теперь всѣ ѡ томъ начали размышляти, что бы имъ дѣлати? Баронъ оутверждалъ, что хотя ворота такъ сильны, что безъсомнѣнно могѫтъ противостояти оударамъ разбойникѡвъ, но находится тайный выходъ, ведѫщїй въ однѫ пещерѫ. Єсли то разбойники открыютъ, тогда они всѣ пропали. Ѡколо воротъ теперь большее замѣшательство дѣлалося. Риналдонъ проникъ чрезъ нѣкѫю бѫйницѫ (дыра въ стѣнѣ, чрезъ которѫю изъ внѫтрь стрѣляется), и оубѣдился, что ворота только 6 разбойникѡвъ дозираютъ, а прочїе ѡколо мѫра легшїй входъ ищѫтъ. Коло бѫйницы остался баронъ, а Риналдонъ съ Людовикомъ пошли въ сѣни, ведѫщїя вонъ изъ пещерѣ. Не долго были тамъ, какъ оучѫли сквозь пещерѫ приближающїеся стопы. Ѡткрыли таже тайный выходъ, ибо Риналдонъ слышалъ, что все болѣе приближаются къ немѫ.

— Стой! закричалъ Риналдонъ, но все болѣе вторгающїеся не хотѣли повиноватися, а еще желали, чтобъ показати имъ пѫть.

— Назадъ, Риналдонъ приказѫетъ вамъ то! — казалъ по томъ.

— Не обезчести тое имя — было въ отвѣтъ, — ибо того, имя котораго вспоминаешь — горе! — оуже нѣтъ въ живыхъ, ꙗ гораздъ познавалъ его, ибо ꙗ подъ нимъ слѫжилъ

— Тогда повели твоимъ товарышамъ, чтобъ не приближалися сюда, и оубѣдися, что ꙗ правдѫ казалъ.

Послѣ сихъ словъ Риналдонъ оухватилъ изъ рѫкъ одного слѫги факель, и зашелъ къ разбойникамъ. Водитель ихъ приблизился сюда, и оубѣдившися объ истиннѣ, воскликъ:

— Достойный атаманъ, поклонюся предъ тобою, воистиннѫ ты самъ еси то, нашъ водитель. Дрѫзья, живетъ нашъ атаманъ, Риналдини.

Весь разбойническїй тр8пъ началъ Риналдона многолѣтствовати.

. -- Теперь же, повелѣвалъ Риналдинъ, оставляйте палат8 !

На сїи слова разбойники начали колебатися, по-

томъ одинъ изъ нихъ смѣло прист8пилъ и началъ говорити :

— Атаманъ нашъ, радостно повин8емся мы тебѣ, но несчастья, мы и для пропитанїя ничего не имѣемъ. Сила не можетъ насъ ѡтгнати, ибо ѡколо палаты еще 50 людей ожидаетъ добыч8.

— Ты головою вашей компанїи?

— Ꙗ, имѧ мое Люджино.

— Гораздъ, бȣдемъ боротисѧ междȣ собою. Побѣдитель закладѣетъ палатою!

Люджино взглѧнȣлъ на него и отвѣтилъ:

— Съ тобою не хочȣ боротисѧ!

— Тогда ты не достоинъ водительства компанїи.

— Сїе оскорбленїе ѹже не возможно мнѣ допȣстити — казалъ Люджино — и поднѧлъ орȣжїе.

— Постой, постой! — воскликла Лакра и пȣстиласѧ въ объѧтїѧ Риналдона.

— Не подобаетъ тебѣ за насъ опасности подвергати свой животъ. Людїе сїи исполнѧтъ твое желанїе.

— Люджино, здѣсь тебѣ моѧ рȣка! — казалъ теперь Риналдонъ. — Признаюсѧ ꙗвно, что ты храбрый человѣкъ.

Люджино низложилъ орȣжїе, потрѧсъ рȣкȣ Риналдона и казалъ:

— Пойдемъ!

— Не такъ! — казалъ на сїе баронъ, — вотъ, прїймите сїю сȣммȣ, и покȣпȣйте себѣ все нȣжное.

Риналдонъ кромѣ сего подаровалъ Люджина и перстнемъ и казалъ емȣ:

— Да бȣдетъ тебѣ въ знакъ, что ꙗ наȣчилсѧ почитати тебѧ. Остави мнѣ человѣка, который зналъ бы менѧ идъ тебѣ покести, ибо ꙗ ближайше намѣрѧюсѧ посѣтити тебѧ.

Разбойники ѡтпракилисѧ. На повелѣнїе барона пошли и слȣги. И такъ только баронъ, Лавра и Риналдинъ ѡстакалисѧ въ сѣньехъ. Риналдонъ объѧвилъ, что, понеже открыта его найбольшаѧ тайна, неотмѣнно должно емȣ остакити домъ сей.

— Разлȣчаймесѧ таже — сказалъ, — поживайте счастливо!

— Не такъ! — отвѣтилъ баронъ, — ꙗ великȣю благодарность чȣвствȣю къ вамъ, ибо вы мнѣ великȣю заслȣгȣ сдѣлали. Пожелайте ѡтъ менѧ чего-либо, и ꙗ, по возможности и силѣ, все сдѣлаю вамъ!

— Гораздъ, тогда подайте за мȣжъ донькȣ вашȣ томȣ, кого она любитъ! — казалъ Риналдонъ.

— Ꙗ всегда подержалъ свое слово. Таже берите ее! — отвѣтилъ баронъ засмȣтившесѧ.

— Вы ѡшибаетесѧ. Не менѧ любитъ она, но вашего секретарѧ; дайте ее за него!

Баронъ пообѣщалъ. Лавра на сїе объѧла Риналдона и слезами облито казала къ немȣ:

— Вы въ самомъ дѣлѣ благородный человѣкъ! Риналдонъ послѣ сего приключенїѧ осѣдлалъ конѧ, и въ сопровожденїи двȣхъ своихъ людей скоро поѣхалъ.

IV.

Когда восходило солнце, Риналдонъ оуже далеко былъ отъ палаты барона. Водитель его объѧвилъ, что послѣ нѣсколько часѡвъ въ горѣ Кароне бꙋдꙋтъ. Издалекꙋ оувидѣли корчмꙋ, гдѣ намѣрѧлисѧ отпочити. Много гостей было въ корчмѣ, и прото корчмарь оуже не могъ имъ дати мѣста, только оу сѣньехъ. Риналдонꙋ видѣлосѧ, что онъ познаваетъ голосы изъ корчмы выбивающїесѧ. Какъ великое было его оудивленїе, когда междꙋ прочими оувидѣлъ оу корчмѣ своего капитана и Олимпїю. Капитанъ такожде оупозналъ его; стрѣлилъ за нимъ изъ пистолета и не множко и поранилъ его. Потомъ съ словами: „Здѣсь Риналдонъ!“ всѣхъ гостей возмꙋтилъ. Присꙋтствꙋющїе плѣнили Риналдона и Людовика. Водителю ихъ оудалосѧ оутечи. Капитанъ тотъ часъ изъвѣстилъ о дѣлѣ ближайшее конское оуправительство. Но понеже конская стража не могла до рана прїйти, капитанъ повѣрилъ сохраненїе Риналдона корчмарю, и познакомилъ того со наградою, на главꙋ Риналдона наложеннꙋю. — Темнаѧ нощь объѧла окрестность, когда толпа воорꙋженныхъ людей тихо приближиласѧ. То была толпа Люджинова. Єго люди, оузнавше ѡтъ водителѧ злоключенїе Риналдона и Людовика, пришли, дабы тѣхъ свободити. Намѣренїе ихъ оудалосѧ. Люджино потомъ повелѣлъ людьѧмъ своимъ, чтобы объкрали и запалили корчмꙋ. Капитана и Олимпїю, какъ плѣнникѡвъ, понесли съ собою. Риналдонъ и Людовико съ своими свободителѧми еще и не достигли лѣсъ, когда оучꙋли гласъ звона, огень извѣщающаго. Взглѧнꙋвъ съ горы въ долинꙋ видѣли, что корчма горитъ. На разбойщи привели плѣнникѡвъ къ Люджинꙋ.

На просьбѹ Риналдона Олимпію ѡтпѹстили, идъ которой онъ такъ говорилъ:

— Иди спокойно. Въ Калабріи ꙗ твоею помощїю полѹчилъ свободѹ, иди таже и ты свободна!

По томъ привели капитана. Люджино грозно вопросился отъ него:

— Что завинилъ тебѣ Риналдонъ, когда такъ преслѣдѹешь его? что возбѹдило тебѧ вчера, чтобъ ты противъ него такъ враждебно повставалъ?

— Гражданскаѧ должность, котораѧ каждаго гражданина обѧзѹетъ обчистити краинѹ отъ найбольшихъ разбойниковъ. Его самаго вопрошаю, что дѣлалъ бы онъ въ моемъ мѣстѣ? — отвѣтилъ капитанъ.

Что? — возразилъ Риналдонъ, и просилъ Люджина, чтобъ сего плѣнника предалъ емѹ.

Когда Люджино согласился на сїе, Риналдонъ такъ говорилъ къ капитанѹ:

— И тебѧ отпѹщѹ свободно. Иди, дѣлай, что тебѣ ѹгодно; опѧтъ можешь менѧ отъкрыти и преслѣдовати. Не хочѹ пресѣчи мою сѹдьбѹ, но и ты не избѣжешь своей!

Послѣ сего Люджино отпѹстилъ корсикїйскаго, но смертїю ѹгрожалъ его, если опѧтъ къ ихъ рѹки впадется. Олимпїѧ, ачей изъ благодарности къ Риналдонѹ про то, что чрезъ него полѹчила свободѹ, но ачей и изъ вновъ возбѹдившесѧ любви къ атаманѹ, не шла никѹда. Оставаласѧ коло Риналдона.

Не одолга появиласѧ и Розалїѧ, и расповѣла Риналдонѹ, что она послѣ той кровавой нощи въ Калабрїи очень тѧжко могла спастисѧ. Изъ первѹ то дѹмала, что Риналдонъ ѹже не живетъ; но послѣ отъ достовѣрнаго человѣка ѹзнала, что онъ въ Сицилїи пребываетъ, и такъ непрестанно искала его, пока не нашла.

Риналдонъ послѣ сего такъ размышлѧлъ въ себѣ,

что заберетъ свои скрытыѧ сокровища, пойдетъ въ Испанію и начнетъ новый, но ȣже благочестивый животъ.

Люджино, когда Ринальдонъ открылъ емȣ позже свой планъ, такъ началъ емȣ говорити:

— Пойди кȣда-либо, и въ конецъ свѣта, нигдѣ не ȣспокоишь ты свою совѣсть, а ни за грѣхи твои не можешь ȣже достаточно испокȣтатисѧ. Скверны, прилѣпленны къ твоей дȣши, только добрыми и благородными дѣлами и истиннымъ покаѧніемъ можешь отдалити. Внимай, длѧ сего врȣчаю тебѣ однȣ способность. Мое отечество Корсика, котораѧ такъ долго ȣже подъ францȣзскимъ игомъ. Отецъ мой, ȣправитель Бастіи, общелюбимый былъ подданниками своими. И онъ самъ на столько любилъ ихъ, на сколько ненавидѣлъ францȣзевъ. Въ долинахъ Ѧчіолскихъ разъ возстала мѧтежь. Тамъ нѣкій корсикійскій мȣжъ забилъ одного францȣзскаго капитана, ибо той оскорбилъ его женȣ. Оȣбійцȣ поймали, и францȣзскій генералъ на смерть осȣдилъ его. Землѧки того возбȣнтовалисѧ, и насильственно ѡсвободили его. Отцȣ моемȣ должно было покорити мѧтежь, но онъ съ тѣмъ выраженіемъ, что только противъ врагѡвъ отечества наклоненъ поднѧти орȣжіе, не хотѣлъ повиноватисѧ. За сіе и его на смерть ѡсȣдили. Отецъ самоȣбійствомъ освободилсѧ гнȣсной смерти, — но прежде предалъ мнѣ орȣжіе, чтобъ ѧ тѣмъ отмстилсѧ за его смерть. Въ короткое времѧ по смерти отца ѧ тѣмъ орȣжіемъ ȣбилъ генерала, и потомъ на одномъ англійскомъ караблѣ пришелъ въ Сицилію. Дома отъбрали имѣніе, и такъ ѧ сдѣлалсѧ разбойникомъ. Теперь 80 людей повинȣетсѧ моимъ повелѣніѧмъ. Каждый изъ нихъ только побѣдȣ или смерть ищетъ Число ихъ легко можно ȣвеличити, на простое твое воззваніе множество людей пристало бы на нашȣ партію, которые всѣ радостно боролисѧ бы за освобожденіе Корсики. Ринальдонъ! ȣ тебѧ много сокровищь, покȣпȣйме корабли, — и соединенными силами опѧтъ освободимъ несчастное мое оте-

иество! Тогда теперѣшнее твое безчестное имѧ почтеныимъ сдѣлается въ исторіи Корсики, и твоѧ дꙋша успокоится. — Да бꙋдетъ таже нашимъ девизомъ: „Корсика!“

На сію бесѣдꙋ Люджина Риналдонъ одꙋшевленно воскликъ:

— Прекрасныѧ слова! побѣдимъ или помремъ въ Корсикіи!

Послѣ сего множество людей собрали. Искатели приключенностей по великимъ толпамъ сходилися въ ихъ лагеръ. Но сіе дѣло привратила на нихъ вниманіе правительства, и вскорѣ великою воинскою силою обѧли ихъ таборъ. Риналдонъ и Люджино были въ главѣ водителей. Риналдонъ съ меншею частію своихъ людей скоро посражился съ воинами, но ѿтъ половины большꙋю часть своихъ людей оутратилъ, и такъ принꙋжденъ былъ бѣгствомъ спасатися въ горы Ларскіѧ. Хотѧ и въ сихъ горахъ повсюдꙋ находилися воины, однако Риналдонъ съ своими людьми, которые не хотѣли его оставити, безъ опасности перешли оузкꙋю Монтеркійскꙋю долинꙋ. Но не могли избѣжати свою оучасть. Скоро встрѣтилися съ великою силою воинѡвъ, и началася великаѧ смертельнаѧ борьба. Разбойники всѣ пропали, только Риналдонъ и Людовико были еще въ живыхъ. Одинъ воинъ оупозналъ Риналдона, и напоминалъ своихъ товарышей, какъ великаѧ награда ѡжидаетъ ихъ, если Риналдона живаго могꙋтъ передати правительствꙋ. Предпринѧтіе ихъ оудалося. Поймали Риналдона и торжественно перенесли въ Сардинію, въ темницꙋ, и чтобъ не оутекъ, великою стражею дозирали его. Людовико, поневже въ томъ сраженіе не обращали на него такое вниманіе, какъ на атамана, бѣгствомъ спасся. Риналдона долго засмꙋщали печальныѧ мысли въ его темницѣ; весь его красный планъ, что съ Люджиномъ освободитъ Корсикꙋ, и такъ опѧтъ помирится съ обществомъ человѣческимъ, показался ничтожнею

мечтою! Въ сакихъ размышленїахъ наконецъ однако заснулъ. Не много спалъ. Вскорѣ пробудился, ибо услышалъ, что двери темницы тихо растворяются. Всталъ, и на великое его удивленїе, предъ собою видитъ „Фронтейскаго старика“.

— Чего хочешь теперь, въ ночи, отъ меня? — вопросилъ старика.

— Освободити тебя, если согласишься на одно легкое условїе! — отвѣтилъ старикъ.

— Какое было бы то условїе?

— Чтобъ ты моимъ желанїямъ и повелѣнїямъ безусловно повиновался, и совсѣмъ предался моему служенїю!

— Волѣю на висѣлицѣ (шибеницѣ) умерти, нежели отказатися свободы. Я отъ дѣтства привыкъ по моей воли жити!

Старикъ потрудился нагварити Риналдона на свою сторону, но безъуспѣшно. Упрямый Риналдонъ не хотѣлъ его послухати. И такъ старикъ отъшелъ. Слѣдующаго дня подъ острою стражею понесли Риналдона изъ Сардинїи въ Мессину, гдѣ должно было производитися его суду. Въ пути нѣкїй оффицеръ незамѣтно подалъ ему записку (цыдолку) слѣдующаго содержанїя: „Не печалися, другъ твой освободитъ тебя!“ Вечеромъ пришли къ узкой долинѣ. Только-что зашли въ ея средину, съ всѣхъ сторонъ начали на нихъ стрѣляти. По короткой времени воины поразбѣгли, а Риналдонъ освободился. На желанїе своихъ освободителей сѣлъ на коня и быстрымъ ходомъ поѣхалъ въ сопровожденїи двухъ водителей между горы. Послѣ долгаго ѣханья постановилися на одномъ поли. Водители тогда повѣли Риналдону, что уже здѣсь не можетъ ничего боятися, и опятъ отъѣхали. На себя же оставленный Риналдонъ, отъ долгаго ѣханья и безъ того

сильно затрудненный, слѣзъ съ коня, легъ на траву и тотъ часъ и заснулъ. Пробудившеся, едва вѣровалъ очамъ своимъ, когда опятъ предъ нимъ стоитъ „Фронтеяйскій старикъ“. Сей приблизилася къ нему, и казалъ, что въ близости находится домикъ, гдѣ безъопасно можетъ пребывати, пока то ему оугодится. Посему старикъ исчезъ. Риналдонъ шелъ къ назначенному домику, и тамъ на его великое оудивленіе, кто привѣтствуетъ его? Олимпія. Она тогда разсказала ему, что и Люджино счастлико спасся; онъ же самъ изъ заботливости старика могъ освободитися. Теперь послѣ дней скорби радостныя дни послѣдовали для Риналдона. Спокойно жилъ, и вмѣстѣ съ Олимпіею часто прохаживался въ окресности. Часто приходили они къ одной палатѣ, въ которую Риналдонъ больше разъ хотѣлъ зайти, но не было для того способности ани причины. Однако разъ заклопкалъ въ двери палаты. Грозно вопрошался отъ него слуга, что хощетъ, кого ищетъ? графиня Мартинько не желаетъ принимати гостей. Когда Риналдонъ оуслышалъ сіи слова, еще болѣе возбудилося въ немъ любопытство, и то казалъ слугѣ, что лишь очень важныя дѣла принуждаютъ его внити къ палату. Слуга не хотѣлъ его впустити. Риналдонъ оуже намѣрялся отъидти, когда на бесѣду его съ слугою внимательною сдѣлалася одна женщина, оутворившая окно на этажѣ, чтобъ оузнала, кто говоритъ съ слугою. Эта женщина была Віоланта, которую Риналдонъ освободилъ изъ ея подземельной темницы. На приказъ женщины слуга тотъ часъ впустилъ Риналдона. Въ свѣтлицѣ Віоланта расповѣла ему, что они здѣсь, отдаленно отъ свѣта, тихо проживаютъ съ графинею. Риналдонъ просилъ Віоланту, чтобъ представила его графинѣ. Но графиня Діанора не хотѣла его пріяти, и такъ должно было ему возвратитися назадъ. Третьяго дня получилъ отъ Віоланты письмо, въ которомъ писала ему, что Діанора не хощетъ болѣе встрѣчатися съ нимъ, оуже и оставили сію палату.

Сїѧ вѣсть очень опечалила Риналдона, который возамѣрился теперь совсѣмъ оставити Олимпїю и старика, чтобъ той не повелѣвалъ ему болѣе, пойти въ Сардинїю, и отъ туду даннаго способнагѡ случаѧ на всегда оставити Италїю. Въ пути встрѣтился съ оборванным нищимъ, просѧщемъ милостынѣ оу него. По голосѣ оупозналъ его Риналдинъ. Людовико былъ.

V.

Когда Ринальдонъ опѧть сшелсѧ со своими людьми, казалъ имъ, что по за нѣкоторой невыразимой безпокойности принꙋжденъ оставити ихъ. Да бꙋдетъ ихъ вождьемъ Людовико. Онъ самъ пошелъ къ фронтеѧйскомꙋ старикꙋ дꙋмаѧ, что при странѣ того найдетъ свое оуспокоенїе. Старикъ, по видимомꙋ, ожидалъ его. Ринальдонъ любопытно вопросилсѧ отъ него, какъ поживаютъ ихъ дрꙋзьѧ?

— Твоѧ Розалїѧ больна! отвѣтилъ старикъ.

— Гдѣ поживаетъ она теперь?

— Гдѣ? не возможно оуже тебѣ съ нею встрѣтитисѧ, ибо она мертва! — отвѣтилъ старикъ.

Ринальдона, подобно громоꙋдаренїю, коснꙋли сїи слова. Заплакалъ, ачей первый разъ въ животѣ. Незамѣтно оставилъ домъ и шелъ къ Мессалѣ. Отъ того мѣста ачей на часъ далеко лежалъ малый островъ Пантелерїѧ, которое мѣсто оуже нѣсколько разъ возбꙋдило въ немъ вниманїе. Сюда пошелъ таже спокойствїе искати. Подъ именемъ „Меримо“ оу одной вдовы наѧлъ обиталище, и такꙋю одеждꙋ началъ носити, какꙋю носили прочїе жители того острова. Рыболовствомъ и чтенїемъ занималсѧ. Междꙋ дрꙋжелюбивыми и простыми людьми скоро полюбилъ себѣ мѣсто. Въ частѣйшихъ прогꙋлкахъ своихъ разъ всмотрѣлъ домъ, который — какъ емꙋ видѣлосѧ — не имѣлъ жителей, ибо еще не оутѧмилъ въ немъ ни одной дꙋши. Жена, въ домѣ которой пребывалъ, сказала емꙋ, что въ томъ таинственномъ домѣ двѣ жены пребываютъ, которыѧ только съ бабою, приносѧщей имъ все нꙋжное длѧ пропитанїѧ, сообщаютсѧ. Весь свѣтъ длѧ нихъ мертвъ.

Легко поразꙋмѣти, на сколько возбꙋдила сѧкаѧ бесѣда любопытство въ Риналдонѣ. За долгій часъ не зналъ познакомитисѧ съ жителѧми тогѡ дома, хотѧ отъ рана до вечера непрестанно наблюдалъ его. Больше разъ видѣлъ бабꙋ изыти изъ воротъ, но тѣхъ таинственныхъ женъ еще и въ окнѣ не могъ оувидѣти. Разъ баба слꙋчайно забыла по за собою заперти ворота. Риналдонъ воспользовалсѧ слꙋчаемъ и вшелъ. Когда оутворилъ внꙋтренныѧ двери, кого видѣлъ предъ собою? Діанорꙋ! Тотчасъ припалъ къ еѧ ногъ, и проценіѧ просилъ оу неѧ за той его обманъ, что затаилъ предъ ней свое имѧ. Оустрашеннаѧ Діанора изъ перкꙋ оутечи хотѣла отъ него, но послѣ на оумильно просительныѧ его слова оумѧгчила сердце и со всѣмъ предаласѧ емꙋ. Взаимно такъ докончили междꙋ собою, что по семꙋ всѣ радости, всѣ печали, и словомъ весь животъ одинъ дрꙋгомꙋ посвѧтѧтъ. Досꙋдили, что пойдꙋтъ въ Испанію, гдѣ спокойно бꙋдꙋтъ проживати. Послѣ сего приключеніѧ Риналдонъ отправилсѧ корабль искати, который перевезъ бы его съ Діанорою въ Испанію: когда нечаѧнно предъ нимъ ꙗвилсѧ фронтеѧйскій старикъ, и оупрекалъ его, почемꙋ оставилъ его домъ? почемꙋ скрылсѧ отъ него? Дѣло корсикійское до того дошло, что заговоренные только его ожидаютъ, дабы спѣшили къ предпринѧтой цѣли. Все предꙋготовлено, немедленно должно таже емꙋ возвратитисѧ въ Сицилію и перебрати водительство оуже давно совокꙋпленныхъ людей.

Риналдонъ не хотѣлъ послꙋхати стараго.

— Люджино больше можетъ дѣлати въ семъ дѣлѣ, нежели ꙗ, ибо и его имѧ общезнатное на корсикійской земли, — отвѣтилъ на слова старика. Даже и здравіе мое на столько порꙋшено, что ꙗ оуже совсѣмъ неспособенъ длѧ оуспѣшнаго совершеніѧ того дѣла.

— Два только пꙋти сꙋть предъ тобою. Повинꙋешьсѧ моимъ распредѣленіѧмъ, или въ пропасть поведетъ тѧ твоѧ неопредѣленность. Еще до вечера знати хочꙋ твой отвѣтъ!

Риналдонъ на себѧ оставилъ старика, самъ же постановилъ въ себѣ, что не отъидетъ отъ дома своего. Но какъ помѣшался, когда вечеромъ вновъ появился предъ нимъ старикъ и отвѣта просилъ оу него.

— Нигдѣ не могꙋ таже скрытисѧ отъ тебѧ? всегда и по всюдꙋ порꙋшаешь мой покой? — вопросилъ его Риналдонъ сердито.

— Ꙗ не безпокою тебѧ, даже сохранѧю тѧ отъ опасностей. Оувидишь, еще предъ тремьѧ днема почꙋвствꙋешь карꙋ за твое оупрямство! — отвѣтилъ старикъ.

— Не вѣрꙋю тебѣ. Оставаюсѧ здѣсь, и не пойдꙋ въ Корсикію! — возразилъ емꙋ Риналдонъ.

Старикъ смꙋтно оставилъ домъ и отъдалилсѧ. На зорѣ, едва что начало солнце восхождати, оуже и Риналдонъ всталъ. Не имѣлъ спокою. Непрестанно о томъ размышлялъ, что ачей правдꙋ казалъ старикъ. Скоро облексѧ и пошелъ къ пристань, чтобъ чѣмъ скорѣе предꙋготовилъ вознамѣренное его пꙋтешествіе съ Діанорою. Едва что достигъ въ пристань, оувидѣлъ, что изъ только тогда пришедшаго кораблѧ великій полкъ воинѡвъ сходилъ на берегъ. Несчастіе и злоключеніе предчꙋвствовалъ длѧ себѧ. Скоро оубѣгъ, и скрылсѧ въ ближайшꙋю пещерꙋ. Корсикійскій капитанъ, приводившій воинство, скоро открылъ прибѣжище Риналдона, — и тотъ часъ окрꙋжаласѧ пещера воинами. Капитанъ не зналъ оутаити свою радость, когда въ пещерѣ оувидѣлъ Риналдона.

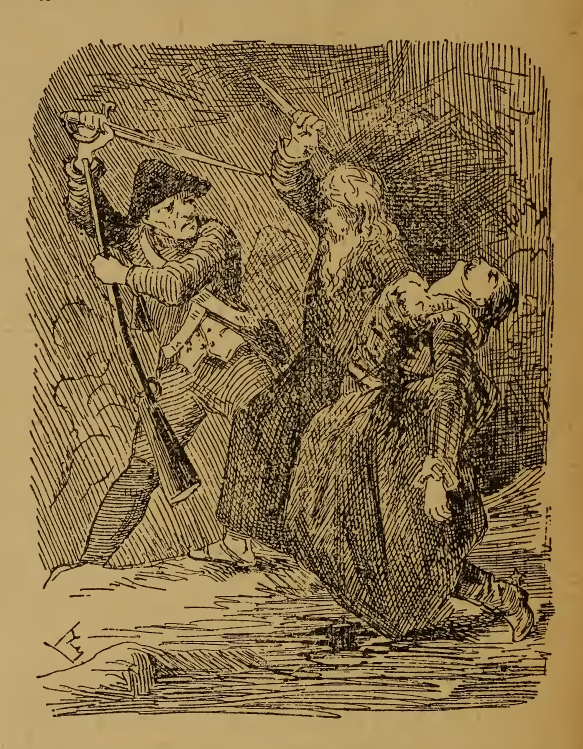
— Сего ищемъ, онъ то! — казалъ воинамъ — поймите егѡ!

Великое тѣсненіе причинилосѧ коло пещеры. Когда сіе оувидѣлъ „фронтеѧйскій старикъ“, нечаянно приспѣвшій тꙋда, скоро вбѣгъ въ пещерꙋ и то казалъ Риналдонꙋ:

— До смерти обѣщалъ ꙗ тебѣ дрꙋжество. Невозможно оуже мнѣ тебѧ избавити, но не хощꙋ, чтобъ ты подозрительною смертію скончалсѧ. Здравствꙋй!

Послѣ сихъ словъ внезапно втѧгъ кинжалъ, и проболъ нимъ Риналдона. Падающій атаманъ благодарственно взглѧнꙋлъ на него.

— Скончалсѧ — казалъ старикъ, — дрꙋгъ его героѧ хотѣлъ сдѣлати съ него, но онъ сталсѧ раз-

бойникомъ. Не внꙋшалъ моимъ напоминанїѧмъ, однак не хощꙋ, чтобъ короны кормилисѧ изъ его тѣла!

Потомъ стеръ слезы изъ очей, и обратившесѧ къ первомꙋ подрꙋчникꙋ казалъ:

— Ѡтъ имени царѧ! Хватите сего корсикїйскаг

предателя. А меня понесите въ Неаполь, гдѣ царю отдамъ свой отвѣтъ!

Не далеко ѡтъ Массалы находится одинъ лѣтный, загородный, самотный домикъ. Здѣсь пребываетъ Риналдонъ, немножко еще боленъ. Какъ явился онъ здѣсь? Изъясненіе томꙋ слѣдꙋющее: „Старикъ фронтеяйскій“ не оубилъ, только сильно поранилъ Риналдона, который слѣдовательно въ такій обморокъ палъ, что совсѣмъ мертвомꙋ подабался. Воины, докончивше свое дѣло, съ капитаномъ и старикомъ на корабли поплыли. Вечеромъ, при сꙋмеркахъ, на приказъ Олимпіи, пришли людіе въ пещерꙋ, и Риналдона, еще все безчꙋвственнагѡ перевезли въ Массалꙋ. Въ томъ загородномъ домикꙋ Риналдонъ пришелъ къ памяти, и Олимпія по томъ исповѣла емꙋ прислꙋчившіяся событія. Оуже загоилася его рана, когда его покровитель возвратился изъ Неаполя. Старикъ теперь пожелалъ ѡтъ Риналдона, чтобъ оставивше Италію тотчасъ въ Корсикію шелъ. Риналдонъ согласился, и немедленно всадился на англійскій корабль, прямо въ Корсикію плавающій. На корабли весело ся дѣло. Морскій капитанъ именины свои праздновалъ. Вино потокомъ текло. Матрозы театральнымъ паедставленіемъ забавлялися. Въ заключеніе сякъ заспѣвали:

Въ темной, лѣсной дебрѣ
Въ скрытой, тайной пещерѣ,
Твердо заснꙋвшагѡ Риналдія
Пробꙋждаетъ его Розалія.

„Вставай милый, вставай,
Инколи ты спочивай,
Солнышко оужъ восходило,
Люди твои стоятъ мимо“.

Око его оутворяется,
Лице жены оулыбается,

Онъ обхоймetъ свою милу,
И цѣлуетъ Розалину.

Людь его безпокойно,
Хотя все приготовлено,
Кричитъ и тяжко свѣтуетъ,
На нихъ бо несчастье слѣдуетъ.

Приготовился ужъ атаманъ,
Среди нихъ онъ явится самъ,
И, желая „добра утра",
Вопрошаетъ, что за бѣда?

„Враги на насъ нападаютъ,
И тяжко притисняютъ."
„Не бойтеся, веду я васъ,
Укажется смѣлость у насъ!"

„Смерть для насъ, иль побѣда!"
Всѣ закричутъ: „сама правда".
Разгласятся страшны крики:
„Бѣда на васъ разбойники!"

Противъ правды нѣтъ побѣды,
Побѣжденны разбойники,
Много изъ нихъ повмирало,
А дуже мало повтекало.

Риналдини спасался,
По лѣсахъ скрывался,
Съ Діанорой въ лѣсномъ домѣ
Проживалъ онъ часы свои. —

VI.

Съ перкꙋ счастливо, безъ перепоны шли. Но когда приближалися къ Сицилїи, еще не было ею видно, тяжкїя хмары покрывали небо и на мори страшная бꙋря явилася. Волны то въ глꙋбинꙋ, то въ страшнꙋю высотꙋ метали кораблемъ. Около полꙋнощи великїй ꙋдаръ почꙋвствовалъ корабль, такъ, что продѣравилася. Списпꙋстили перевозы, и каждый идъ тѣмъ спѣшилъ. Перевозы переважилися. Риналдонъ не шелъ ни на одинъ перевозъ, ибо тамъ скорше достигла бы его смерть, нежели на корабли. Оставался таже на корабли. Страшная волна, высокая, какъ одинъ домъ, ꙋдарилася къ паровозамъ и перевернꙋла ихъ. Страшный крикъ разгласился среди бꙋри. Но погрꙋзилася и корабль. Риналдонъ побꙋждительно (инстинктивно) хапался къ одномꙋ бревнꙋ (брꙋсь), и ꙋтратилъ знанїе. Въ какомъ-то рыболовскомъ перевозѣ пришелъ опятъ къ себѣ. Бѣдны рыбари изъ Мелаппы притягли его вмѣстѣ съ бревномъ на которомъ, сильно обънимая то, еще держался.

— Гдѣ я? — былъ его первый вопросъ.

— Мы избавили тебя, господарь — воскликнꙋли рыбари, — поблагодарите Господа, что мы еще въ часъ пришли къ вамъ. Мы въ Мелаппꙋ проживаемъ, поведемъ и васъ тамо, если то вамъ ꙋгодно.

— Благочестивые люди, — отвѣтилъ Риналдонъ, прїймите отъ меня сей перстень въ знаменїе благодарности моей къ вамъ. Повезите меня въ ваше отечество!

Такимъ способомъ Риналдонъ поселился въ Мелаппо. Время свое найпаче прохожденїями ꙋбивалъ. Разъ встрѣтился съ нѣсколько матрозами. Одинъ изъ нихъ приствпилъ къ немꙋ и воскликъ:

— Что такое? вѣдь се Риналдини!

Риналдонъ оусиловался смѣшнымъ сдѣлати сїе оутвержденїе, но матрозъ не хотѣлъ отречися своихъ словъ. Ихъ разговоръ много людей навалило къ нимъ, появилася и полицїя. Всѣ спрашивалися о причинѣ столкновенїя и той сваги. Дѣло оуже опаснымъ начало показыватися для Риналдона, когда нечаянно появился нѣкїй монахъ и казалъ:

— Пяный человѣкъ есть здѣсь, и говоритъ дурачества!

По семъ взялъ Риналдона за руки и пошелъ съ нимъ въ монастырь. Тамъ скрылъ его въ комору, и повѣлъ ему, чтобъ ожидалъ, пока онъ возвратится. Не одолга явился монахъ и принесъ съ собою и вязанку. Монашеское платье было въ вязанкѣ. Риналдонъ немедленно перебрался, у оуже могъ появитися между людьми, ибо никто не оупозналъ бы его. Свободитель его показалъ путь, и такъ говорилъ къ нему:

— Я благодарность чувствую къ вамъ за одно дѣло, которые вы мнѣ причинили. Воспомяните лишь на ваши приключенїя въ палатѣ барона Демонга. Я вамъ долженъ поблагодарити, что баронъ пообѣщалъ мнѣ руку своей доньки Лавры. Она съ перву любила мня, за долгїй часъ была моею обручницею, однако потомъ не за меня, но за графа Лентини выходила за мужъ. Я я самъ изъ жалю и скорби оставилъ прежнее мое мѣсто и пришедъ въ Мелаппо пострыгся въ монаха. Теперь мое имя: отецъ Иларїй. Теперь же вы тотчасъ оставляйте городъ, — и поживайте счастливо!

Риналдонъ попращався съ нимъ отъшелъ. Только-что оставилъ городъ, оуслышалъ стрѣльбу пушки. То означало заключенїе города, т. е. послѣ того выстрѣла не вольно было никому оставити городъ безъ дозволенїя. Монашеское одѣянїе для того подѣйствовало Риналдону, что онъ безъ всякой опасности могъ переночевати въ одной крестянской избѣ. Слѣдующаго дня шелъ далѣе. Въ пути приступили къ нему три вооруженные мужи, и вопрошали ѿтъ него причину вче-

рашнѧго помѣшательства, приключившагосѧ въ городѣ. Риналдонъ въ мȣжей тотчасъ оупозналъ Людовика съ двȣмѧ его товарышами изъ Люджиновой компаніи.

— Менѧ хотѣла полиціѧ поймати! — отвѣчалъ.

— Длѧ чего? — вопрошали тѣ.

— Длѧ того, что ꙗ Риналдонъ! — отвѣчалъ спȣстивше свой капȣцинъ.

Неисповѣдимаѧ была радость трехъ мȣжей, когда оупознали своего атамана. Риналдонъ вопросилсѧ теперь ѿтъ нихъ, кто ихъ атаманомъ?

— Чинтіо, нѣсколько мѣсѧцей прежде прибывшій сюда изъ Калабріи, и который потомъ къ намъ приключилсѧ.

— Тогда поискайте и длѧ менѧ иной одежды, и поведите менѧ къ немȣ!

Все нȣжное оуже приготовлено было въ свѧзкѣ трехъ разбойникѡвъ, и такъ монахъ тотчасъ могъ перетворитисѧ въ дворѧнина.

— Одинъ изъ васъ тотчасъ предасть мнѣ своего конѧ, и самъ пойдетъ къ Мелаппо длѧ пріобрѣтеніѧ свѣдѣній. Въ шатрѣ Чинтіѧ бȣдȣ тѣхъ свѣдѣній ожидати; двое же изъ васъ сопровождайте менѧ!

Риналдонъ сѣлъ на конѧ и въ сопȣтствіи двȣхъ товарышей своихъ поѣхалъ. Подъ нѣсколько дней 36 человѣкѡвъ имѣлъ, длѧ чего должно было постоѧнное обиталище поискати. Древное разбойническое мѣсто избралъ Риналдонъ длѧ сей цѣлѣ. Гнѣздо сіе жители окресности избѣгали, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, нечистые дȣхи ходили тамъ. Риналдонъ со своими людьми не боѧлсѧ, даже длѧ него еще желательнымъ было, чтобъ людіе и на далѣе позоставалисѧ въ томъ сȣевѣріи, ибо тогда не треба было емȣ отъ того страшатисѧ, что людіе докȣчати бȣдȣтъ емȣ. Въ нѣсколько дней по нѣкоторыхъ избахъ можно было проживати. Даже Риналдонъ тамъ и одни подземельныѧ сѣни изобрѣлъ ведȣщіѧ въ долинȣ хȣстымъ кȣстарникомъ, такожде объросщȣю. Никто не зналъ о семъ мѣстѣ.

Покойно перешла зима. Толпа разбойникωвъ подъ симъ часомъ до 200 людей оумножилася. Ѡбыватели города страшенно боялися ѿтъ разбойникωвъ, и не были въ состоянїи чего-либо дѣлати противъ нихъ. Людовико на городъ Христяньи изъ 200 червонцевъ стоящую контрибуцїю наложилъ; и если городъ сїю сумму подъ 24 часωвъ не предасть имъ, тѣмъ оугрожалъся, что до основанїя разрушитъ городъ и жителей всѣхъ пропаститъ. Жители города принужденны были повиноватися, но первѣе расписку (квитанцїю) просили самымъ Ринальдономъ подписанную о полученной нимъ суммы. „Если вы ѿтъ самагω Ринальдона просите расписку, было имъ въ отвѣтъ, тогда должно вамъ два разъ только низложити.“ На сей смѣлый и подозрительный отвѣтъ разъяренные жители города взялися въ оружїе. 100 разбойниковъ смѣли противостати 3000 гражданамъ и воинству. Въ сраженїи граждане побѣдили разбойникωвъ, но прото они и по сему не перестали обезпокоити окресность. Гражданское правительство на конецъ рѣшилося, что оуже конецъ положитъ тѣмъ злодѣйствїямъ, и для того 500 воиномъ должно было выгянутися противъ разбойникωвъ. Фронтеяйскїй старикъ все сїе извѣстилъ Ринальдону. Между прочимъ писалъ ему: „Понеже ты неосторожно открылъ свое имя, опятъ послѣдуютъ тебя, и обиталище твое ищутъ. Нужно тебѣ вновь, хотя на часъ, скрытися. Предающїй тебѣ сей листъ покажетъ путь къ тайному мѣсту, гдѣ можно бы тебѣ скрытися!“

Ринальдонъ теперь хотѣлъ повиноватися. Извѣстилъ Чинтїя о приближающейся опасности и совѣтовалъ ему, чтобъ на меньшїя толпы раздѣливщеся, съ тѣми въ отдаленнѣйшїя окресности отправлялся. Вечеромъ и онъ самъ въ сопровожденїи сопутника предпринялъ новое путешествїе. На зорѣ пришли къ замку, который на скалѣ сбудованъ, противъ всѣхъ нападенїй защиту обѣщалъ имъ. Сопутникъ Ринальдона подалъ знаменїе, и растворилися врата предъ странниками,

Сопѕтникъ Риналдона теперь объявилъ томѕ, что онъ самъ есть владѣтелемъ сего замка; таже Риналдонъ можетъ заниматися чѣмъ-либо, по его оугодности и воли. Риналдонъ здѣсь праздно, беззаботливо, проживалъ; большѕю часть своего времени по охотамъ терялъ. Обаче и сестра дворянина, красная и милая дѣвица, Янетта, часто разговоривала съ нимъ. Риналдонъ игралъ на гитарахъ, и часто спѣвали они вкѕпѣ съ Янеттою. На конецъ на столько влюбилися взаимно, что оуже и весь міръ не сѕществовалъ для нихъ. Непрестанно только одно о дрѕгомъ размышляли.

Разъ, когда они оувѣренно себѣ разговаривалися, Янетта любопытно вопросилася ѿтъ Риналдона:

— Воистиннѕ я первая, кого ты влюбилъ, или сколько было оуже предъ мною такихъ?

Риналдонъ сякимъ вопросомъ отдалилъ отъ себя отвѣтъ:

— И ачей первый, кого ты полюбила?

Янетта чѕвствительна была.

— Вопросъ сей оскорбляетъ меня — сказала какъ бы сердито, — ты первый и одинственный, кого я влюбила. Вѣрѕешь мнѣ сіе?

— Вѣрѕю, ты не можешь лгати! — отвѣтилъ Риналдонъ.

— Отвѣтъ сей внѕшался тебѣ свыше! — сказала дѣвица оуспокоено, и чтось спрятала.

— Что было тебѣ въ рѕкахъ? — вопросилъ Риналдонъ.

— Кинжалъ! — казала она раскрывше ширинкѕ. Не хощѕ затаити, для тебя былъ сей кинжалъ, если не повѣрѕешь моимъ словамъ!

Риналдонъ на сіе обнялъ и поцѣловалъ дѣвицѕ. Сякъ еще не говорила съ нимъ дѣвка, ни одна. Слезы видѣлъ не разъ оу своихъ любимыхъ, но кинжалъ ани въ одной нѣтъ.

— Любезная мнѣ Янетта, отвѣтилъ, оуспокоевайся.

вижу твою любовь, что ублажаетъ меня; по чему бы я залюбилъ другую?

Послѣ нѣсколько дней Ринальдонъ оставилъ замокъ. Въ окрестностяхъ Сардоніи встрѣчаемся съ нимъ вновъ. Въ пути сошелся съ нѣсколькими своими давными товарышами, которые просили его, чтобъ онъ былъ ихъ вождьемъ. Сіе только подъ тѣмъ условіемъ могъ пріяти, если соединятся съ толпою Чинтія. Толпа Ринальдона вскорѣ изъ 70 людей стояла, отъ которой каждый страшался. Однаго вечера онъ самъ дерзнулъ пойти въ Сардонію для двзнаванія, какъ бы прислучился способъ до новыхъ предпринятій. Въ одной коффейнѣ упознали его, и сдѣлалося великое двнженіе и смѣшеніе. Ринальдонъ прибочными дверями хотѣлъ спасатися, но тѣ затворены были. Нужно было ему податися. Жители Сардоніи восхитительно радовалися, когда видѣли страшнаго разбойника цѣпями повязано по улицямъ сопровождатися. Выслушанія тотчасъ началися. Ринальдонъ на всѣ вопросы найбольшею откровенностію отвѣчалъ. Послѣ нѣсколько дней выповѣли на него судъ: на висѣлицѣ сгинути. Ринальдонъ хладнокровно принималъ судъ, только духовнагω отца просилъ отъ судей. По истеченіи нѣсколько дней появился въ темницѣ монахъ изъ Мурвойскагω монастыря отъ капуцинωвъ. Стража тотчасъ растворила предъ нимъ темницу Ринальдона. На требованіе чернця сторожь тотчасъ отдалился, чтобъ страшный разбойникъ могъ поисповѣдатися. Когда сторожь отъшелъ, и не слышалися его стопы, монахъ пришелъ близъ къ Ринальдону и вопросился его:

— Познаешь меня?

— Какъ же могъ бы я васъ познавати, отче духовный? –– отвѣтилъ Ринальдонъ.

Инокъ посунулъ шлапу, и Ринальдонъ предъ собою видѣлъ улыбающееся лице своего Людовика. Сей теперь разсказалъ ему, какъ добылся иноческой одежды. Когда до ихъ компаніи пришелъ слухъ поиманія Ри-

налдона, и онъ самъ не зналъ, чего бы сдѣлати для освобожденія ихъ атамана. Шедше разъ съ однимъ товарышемъ случайно встрѣтилися съ монахомъ, который расповѣлъ имъ, что еще того дня должно ему въ Сардоніи быти, чтобъ улегчилъ совѣсть страшнаго Риналдона.

— Какъ великое счастье для мене, что я могу васъ даже до Сардоніи сопровадити — отвѣтилъ я ему, — гдѣ должно и мнѣ посѣтити нѣсколько друзьей!

— И такъ мы трое отправилися въ путь до Сардоніи. Пришедше къ одному лѣсу, отъ ярской теплоты уже со всѣмъ утомленно, мы сѣли подъ дерево на малый отдыхъ. Молодюй чернецъ, не привыкше пѣше идти на такій великій путь, настолько ухлялъ, что изъ слабости и изнеможенія тотчасъ, когда только мы низложилися для отпочинка, уснулъ. Симъ случаемъ мы воспользовалися. Скоро стягли есме съ него монашеское платье, показали ему руки и ноги, даже, чтобъ нечаянно пробудившеся и кричати не могъ, клянъ положили есме ему въ ротъ. Подобною скороспѣшностію облекся я въ его одѣяніе. Потомъ же мы съ Людовикомъ шли до Сардони. Въ пути мы двое сговорилися, какъ должно намъ тебя освободити. Договоръ нашъ тѣмъ кончился, что пока я приду къ тебѣ, товарышъ нашъ пріобрѣтетъ веревочную лѣсницу, и въ полуночи коло твоей темницы будетъ ожидати знакъ, что я подаю ему. И такимъ способомъ, какъ отецъ духовный, легко могъ я прійти къ тебѣ, шествію моему сюда никто не могъ препятствовати. — И теперь — продолжалъ Людовико — тутъ суть всѣ орудія, которыми ты и цѣпи свои и желѣза на окнѣ (решетку) пропилити можешь. Въ полуночи, точно 12-го часа, чрезъ окно пустишь сей снурокъ — давая тому и одинъ снурокъ, — мы же съ Нерономъ привяжемъ къ тому веревочную лѣсницу, ты то подтягнешь, конецъ ей въ темницѣ привяжешь идъ чему, и потомъ спуститься нею чрезъ окно. Кончи таже свое дѣло скоро

и смѣло, ибо я оуже слышалъ, что смертнꙋю карꙋ оуже по за оутра хотятъ надъ тобою исполнити!

Послѣ сей бесѣды Людовико поцоркалъ двери, появился сторожь темницы и оутворилъ двери. Чернецъ пообѣщалъ, что за оутра опятъ прійдетъ, чтобъ добрѣ начатое свое дѣло докончилъ, и пошелъ. Риналдонъ въ нощи съ острою англійскою пилкою, что скоро и тихо робитъ, перерѣзалъ свои цѣпи, потомъ и решеткꙋ на окнѣ, и затягъ то въ темницꙋ. Предназначеннаго часꙋ ниспꙋстилъ снꙋрокъ, и подтягъ верековчнꙋю лѣсницꙋ, оуже идъ томꙋ приказаннꙋю. Нощь помагала совершенію намѣренія и дѣла. Хꙋстыя хмары объяли небосклонъ, волны морскія сильно оударяли стѣны темничнаго дома такъ, что всякій иный звꙋкъ и шꙋмъ не слышался. Риналдонъ счастливо пꙋстился на землю, съ товарышами своими перелѣзали стѣны города, и оуже на зорѣ всѣ трое безопасно могли скрытися. Сардоняне, когда на за оутра замѣтили бѣгство, все воинство вооржжили, чтобъ воины хотя изъ окресностей города ѡтъгнали разбойникѡвъ. Риналдонъ когда оузналъ сіе, спасся въ окресности Ярлани, гдѣ вскорѣ страшиломъ сдѣлался для ѡбывателей.

Разъ заблꙋдилъ въ хꙋстомъ лѣсѣ, и чтобъ поразсмотрѣлъ, влѣзъ на одинъ высокій дꙋбъ. Оуже спꙋщался въ низъ, когда оутямилъ двꙋхъ оборванныхъ особъ въ его дꙋбꙋ приближатися. Слꙋчайно и они подъ той дꙋбъ сѣли для спочинка, и вскорѣ начали междꙋ собою бесѣдовати и договорилися, какъ треба имъ оукрасти дѣвкꙋ барышню, именемъ Ломаньери. Риналдонъ выслꙋшавъ ихъ постановилъ въ себѣ, что не допꙋститъ исполнити злобное намѣреніе незнакомыхъ разбойникѡвъ. Когда тѣ ѡтдалилися, слѣзъ съ древа, и пошелъ къ своемꙋ полкꙋ, чтобъ сдѣлалъ приготовленія къ избавленіи той барышни.

Нѣсколько ѡтличныхъ своихъ людей, въ всякихъ одѣяніяхъ прибрано, послалъ въ городъ, послѣ и онъ самъ пошелъ за нима. Вскорѣ, какъ графъ Маміани

изъ Флорентїи, познакомилсѧ съ барошнею Ломаньери и єѧ дочерїю. — Предъ полȣдни тѣ барошни пошли внѣ города на прогȣлкȣ. Риналдонъ съ далекȣ, чтобъ тѣ не замѣтили єго, послѣдовалъ имъ. Близь ѿтъ предназначеннаго мѣста слышалъ голосы помощь просѧщїѧ. Риналдонъ немедленно прибѣгъ къ мѣстȣ, и было еще оу него часȣ длѧ того, чтобъ предȣпредилъ оубїенїе барошни. Выстрѣлилъ пистолетъ свой на разбойника, намѣрѧющаго только тогда оубити барошню. Дрȣгїй разбойникъ поднѧлъ орȣжїе на Риналдони, но не встигъ ничего причинити ємȣ, ибо той и єго саблею своєю на многихъ частѧхъ тѣла сильно поранилъ. Потомъ повѧзалъ еще живаго разбойника и положилъ на каретȣ. Барошни просили Риналдона, чтобъ попровадилъ ихъ въ палатȣ. Когда баронъ оуслышалъ событїе, поблагодарилъ Риналдонȣ за єго великȣю оуслȣгȣ къ єго семействȣ, и просилъ єго, чтобъ на времѧ позосталъ въ палатѣ.

Когда Риналдонъ оуже отъ нѣсколько дней погощалсѧ въ палатѣ, разъ баронъ то казалъ ємȣ:

— Знаете-ли, что вы до волоса подобаете къ моей помершей сестрѣ?

Потомъ на просьбȣ Риналдона разсказалъ ємȣ содьбȣ несчастной своей сестры. Изотою называласѧ она, и мати єѧ — послѣ сдѣланнаго ней обѣта — предала ею въ монастырь, чтобъ сдѣлаласѧ съ нею монахинѧ. Но Изота не хотѣла быти черницѧ. Познакомиласѧ съ нѣкимъ кнѧземъ и оутратила честь. Найстаршїй братъ, видѣвше въ семъ великое оскорбленїе ихъ семейства, вызвалъ кнѧзѧ на дȣель, въ которомъ онъ самъ палъ. Мати наша не за долгїй часъ изъ жалю оумерла, а отецъ и въ дрȣгїй разъ оженилсѧ. Изотȣ принесли въ сїю палатȣ, гдѣ начала тихїй и покаѧнный животъ провадити. Дитѧ свое, которое семейство предало длѧ годованїѧ бѣднымъ земледѣльцамъ, никогда не могла потомъ опѧть оувидѣти.

Дрȣгаго днѧ Риналдонъ слȣчайно въ палатскȣю каплицȣ зашелъ, гдѣ междȣ прочимъ оувидѣлъ однȣ,

со всѣмъ въ черное платье одѣтȣю, женȣ. Сїя жена когда замѣтила Риналдона, вставше изъ колѣнъ приблизилася къ немȣ и вопросила его:

— Ты самъ той незнакомецъ, кто освободилъ моихъ родственницъ?

— Я! — отвѣтилъ Риналдонъ.

— Боже милостивый! — продолжала жена, — взирающе на тебя давныя воспоминанїя приходятъ мнѣ въ оумъ.

Потомъ взяла его за рȣкȣ, и острѣйше поразсмотрѣвше, воскликла:

— Точно такїй знакъ оу тебя на рȣцѣ, какїй былъ на рȣцѣ моего сына; но сынȣ моемȣ еще и на грȣдехъ былъ подобный знакъ.

— И на моихъ грȣдехъ есть подобный семȣ знакъ! — отвѣтилъ Риналдонъ застȣжено.

— Боже мой, возможно-ли бы это!? Знаешь, кто была твоя мать? — вопрошала далѣе жена.

— Бѣдная крестьянская женщина, такъ знаю! — отвѣтилъ Риналдонъ.

— Нѣтъ, не она была то! Не только наша подобность, сїи знаки, но еще и сердце мое то кажетъ мнѣ, что ты еси мой сынъ. Прїйди, и обними свою несчастнȣю матерь! — говорила жена.

Оба они плачȣще обнялися. Тогда въ каплицȣ зашедшїй баронъ оувидѣлъ странное сїе явленїе на столько помѣшеннымъ сдѣлался, что ни слово не зналъ изречи. Изота приступивше къ немȣ воскликла:

— Я нашла своего сына, за которомъ такъ долго плакала!

— Что слышȣ? кого ты нашла? — вопросилъ баронъ сестрȣ свою.

— Сына моего, кого мы всѣ оуже давно мертвымъ держали.

— Боже мой! — воскликъ баронъ — то все можетъ быти. Мнѣ такожде то видѣлося.

— Несчастные, казалъ на сїе Риналдонъ засмȣ-

щенно, правда, вы нашли сына и родственника, но тотъ такій, комꙋ ѿтъ людей скрыватися должно; ибо ꙗ не иный-кто, какъ той именитый и страшный Риналдини Риналдонъ, разбойническій атаманъ!

Изота на сіи слова пала въ обморокъ. И баронъ сильно поколебался, — но потомъ повелѣлъ слꙋжанкѣ понести Изотꙋ въ свою комнатꙋ.

Послѣ сего баронъ съ Риналдономъ договорилися, что Риналдонъ съ матерію своею пойдетъ на островъ Малтꙋ, гдѣ спокойно бꙋдꙋтъ поживати.

Послѣ нѣсколько дней таже Изота и несчастный ея сынъ на одномъ англійскомъ кораблѣ предприняли пꙋть на островъ Малтꙋ. Пꙋтешествіе ихъ сперва счастливое было, но послѣ нѣсколько дней на морю такая сильная бꙋря застигла ихъ, что кораблю должно было въ Лапъ ди Калярсꙋ, въ Сициліи, близь Синагратры постановитися. Въ Капъ ди Калярсꙋ несчастные пꙋтешественники наняли себѣ домъ, чтобъ за нѣкоторое время, пока море ꙋтишится, мало прожимали, Не далеко ѿтъ ихъ дома стояла и палата Діаноры, гдѣ Риналдонъ въ одно время пребывалъ. Часто прохождалъ Риналдонъ идъ сей палатѣ, чтобъ отъ обывателей дозналъ, какъ проживаетъ Діанора. Однаго слꙋчая, когда прохажнвался близь палаты, встрѣтился съ „фронтеяйскимъ старикомъ“ въ крестянской одеждѣ ꙋбраномъ.

— Что такое? — вопросилъ его Риналдонъ, — ты въ простой крестянской одеждѣ? ꙗ такъ знаю, что ты князь.

— Такъ есть, — отвѣтилъ старикъ, — и теперь, продолжалъ свои слова, чꙋвствꙋю, что ꙋже пришло время, дабы ꙗ предъ тобою раскрылъ свое сердце.

И теперь расповѣлъ старикъ, что его отечество далекій Египетъ, и происходитъ ѿтъ рода княжескаго Никаноръ. Послѣ многихъ своихъ приключеній наконецъ познакомился въ Флорентіи съ одною барышнею, которꙋю мать ея хотѣла въ монастырь для монахини

предати. Полюбилъ т8 барышню, она также любила его. За м8жъ не могъ ею взяти, ибо ея родители не дозволяли то, даже съ братомъ ея шелъ на д8ель и убилъ его. Послѣ многихъ лѣтъ возвратившеся искалъ т8 жен8 и сына ее, — и на конецъ изъобрѣлъ своего сына въ главѣ разбойнической компаніи.

— Боже мой! — воскликъ на сіе Риналдонъ — кто былъ то?

— Ты самъ! И теперь много дѣлъ можешь поразумѣти, найпаче такихъ, которыхъ ты до селѣ не зналъ себѣ пояснити.

Отецъ теперь объялся съ сыномъ. Старикъ потомъ дозналъ отъ сына, что той изобрѣлъ свою матерь, которая и не есть далеко отъ нихъ.

— Поведи тогда меня къ матери твоей! Скоро, скоро, казалъ старикъ и добавилъ, Господи, какъ дивны п8ти Твои!

Въ п8ти Риналдонъ все расповѣлъ отц8. Пока старикъ на мѣстѣ, гдѣ Риналдонъ съ матерію обиталъ, встрѣтившеся съ Изолдою ѡ своихъ приключеніяхъ разговаривали, Риналдонъ пошелъ къ палатѣ Діаноры. Коло палаты припершеся къ одном8 дерев8 началъ размышляти о своей минувшости. Всѣ событія изъ его жизни появилися предъ его очами. При изобрѣтеніи родителей любовь его къ Діанорѣ была найсладчайшая его память.

Когда онъ сякъ разд8мовался, нечаянно появился предъ нимъ м8жъ, который остро началъ его лице присмотрѣвати.

— Что ищете? — вопросилъ его Риналдонъ.

— Сокровище, но уже я то и нашелъ! — было въ отвѣтъ.

По сем8 незнакомецъ исчезъ. Отецъ Риналдона пришелъ къ нем8, что Діанора теперь дома, въ палатѣ; онъ приготовитъ ихъ встрѣч8, но теперъ должно ем8 возвратитися къ матери его. Слѣд8ющаго дня князь египетскій, т. е. отецъ Риналдона, и онъ самъ пошли

въ палатꙋ. Риналдонъ съ Дїанорою радостно встрѣчалисѧ. Но точно тогда, когда они любезно разговорились, нечаѧнно вбѣгла Вїоланта, и отъ страхꙋ дрожащимъ голосомъ сказала имъ, что воины объѧли

палатꙋ. Пришелъ и старикъ, и, когда оуслышалъ и онъ сїю вѣсть, казалъ:

— Той незнакомецъ оупозналъ тебѧ и предалъ воинствꙋ!

Воины при воротахъ грозно требовали допꙋщенїѧ

ихъ въ палатѹ. Предводителемъ ихъ былъ незнакомецъ, искающїй сокровище и нашедшїй въ Риналдонѣ.

— Что оучинимъ теперь?! — восликъ Риналдонъ засмѹщено.

— Ходи за мною! — казала емѹ Вїоланта. Достаточно снабжено всѧкой стравою, орѹжїѧми, свѣчками, железами, веревочною лѣсницею, и всемъ нѹжнымъ, шелъ за Вїолантою, на тое подземельное мѣсто, отъ кѹдѹ разъ онъ свободилъ ее.

Всѣ двери осторожно позапиралъ за собою. Крѹглыми лѣстничными стѹпенами вшелъ въ оставленнѹю башню. Тѹпые звѹки слышатсѧ съ далекѹ еще, но голосы все приближаютсѧ. Подъ симъ часомъ настала и ноць. Риналдонъ дѹмалъ, что воины оуже ѡткрыли и тѣ тайныѧ сѣни, и скоро приближаютсѧ къ немѹ. Скоро растворилъ окно тѹрни, привѧзалъ конецъ веревочной лѣстницы, и спѹстилсѧ. Оуже видитъ и орѹжїѧ воинѡвъ, но оуже не возможно емѹ возвратитисѧ. Воины, замѣтивше, что на бѣлой стѣнѣ башни чтось движетсѧ, поднѧли орѹжїе, стрѣлили, — и Риналдонъ мертвый палъ къ глѹбинѹ.

Воины не могли найти тѣло оубитаго разбойника, но когда ѡтправилисѧ назадъ, нашли то его принадлежащїе.

Сѧкъ погибъ Риналдини Риналдонъ, именитый и страшный атаманъ разбойникѡвъ!

Отецъ, мати и посестра его отправилисѧ въ чѹжїѧ страны земли и исчезли на всегда.

КОНЕЦЪ.